A man in a camouflage jacket is shown from the chest up, looking upwards with a focused expression. He is positioned in the lower foreground. The background features a vast blue ocean meeting a sky filled with dramatic, dark, and light clouds. Two fighter jets, likely Su-26s, are flying in formation in the upper half of the frame. The jets are white with red stars on their tails and wings. The overall mood is one of anticipation and military readiness.

Исходный пункт маршрута

(записки штурмана морской авиации)

Е.В. Александров

Исходный пункт маршрута
(записки штурмана морской авиации)

Москва
2020

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
А46

Е.В. Александров. **Исходный пункт маршрута**
(записки штурмана морской авиации). — М.:
Маска, 2020, 344 с.

Александров Евгений Васильевич родился в 1949 году. Летал в Тульском аэроклубе на планерах. В 1971 году закончил Ворошиловградское ВВАУШ. Прошел служебный путь от второго штурмана ракетоносца до старшего инспектора-штурмана СБП авиации ВМФ. Летал на самолётах ТУ-16 и СУ-24. Заслуженный военный штурман России.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-6044536-1-2

©Е.В. Александров, 2020

Уважаемые читатели!

Нам приходилось много читать и перечитывать литературное творчество знаменитых художников, музыкантов и других представителей творческих профессий. Мы знакомы с разным профессиональным уровнем воспоминаний, стихов и просто заметок. При этом, на мой взгляд, этот уровень зависит больше от таланта и дарования автора, чем от его основной профессии. У таких людей, как правило, стиль изложения соответствует его мастерству и интеллекту. Автор этой книги – Александров Евгений Васильевич – как раз и принадлежит к этой категории.

Он, Заслуженный военный штурман Российской Федерации, всю свою военную карьеру посвятил службе в Морской авиации. Служил на севере нашей Родины, а летать пришлось над всей её необъятной территорией – с севера на юг и с запада на восток.

Его воспоминания и стихи вызывают интерес у читателя с самых первых строк. Они особенно близки поколению, которое родилось сразу в послевоенные годы, тем, кто с детства видел разрушенную и вновь возрождённую Родину, энтузиазм и оптимизм народа. Трудное было время, однако это поколение ещё заста-

ло очень грамотных учителей и преподавателей старой школы — высочайших профессионалов, и это чувствуется в стиле изложения воспоминаний и стихов автора.

У Евгения Васильевича это не первая книга. В 2012 году в издательстве ООО «ИПЦ» Москва вышел его замечательный сборник стихов, посвященный друзьям и соратникам, как по военной службе, так и по гражданской работе.

Пожелаем Автору продолжать творческий литературный путь и радовать нас новой прозой и стихами

*Заслуженный военный лётчик Российской Федерации
Кукушкин Михаил Фёдорович*

Оглавление

1. ПРОЗА. ВСЁ, ЧТО ПОМНЮ...

2. СТИХИ. ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА

Гимн первым	71
Ракетноосцы	73
Рекомендация.....	88
Морским летчикам Севера	91
Полёт на перехват	96
В.А. Старчукову –	
Да, мы летали и служили	100
Песня о Морской авиации	102
Часовые пояса	104
Дороги сужены в конец	106
Прощайте! Штаб	107
Боевой подготовке	109
С юмором и грустью	110
Авторитетом Вас не напугаем	118
Никогда не пытайтесь	119
К 75 летию Г.Л.И.Ц.	120
Пела по особенному вьюга	121
Песня ветерана	123
Песня о Лахте	125
В.П. Потапову –	
Я выпускник лихих годов России	127
В.Г. Дейнеке –	
Я в летной школе нужный взял разбег	128

Н.И. Москвителю –	
Мне с «мессером» не привелось сразиться ...	129
В.Г. Царькову –	
Тот день мне помнится особо	131
И.В. Касатонову –	
Корабли, корабли	133
А.М. Мелконяну –	
Жизнь – случайность изначально	136
А.М. Мелконяну –	
Поедем друг на праздник погуляем	139
М.Ф. Кукушкину –	
Небосклон Афгана	141
М.Ф. Кукушкину –	
Небо, как решето	143
А.П. Шульженко –	
Семь десятилетий – это срок	146
А.В. Тихомирову –	
Война закончилась, и всё вернулось к миру..	150
А.В. Тихомирову –	
Какие ветры вас влекут, не знаю	151
С.А. Сергееву –	
Всегда спокоен и тактичен	152
С.Ю. Орлову –	
Товарищ мой, Орлов Серёга	153
В.П. Жукову –	
Зачем нам всем, семь пядей в головах	
.....	155
В.С. Радостеву –	
Я не думал, не гадал	156
Б.А. Ручкину –	
Я кресла в МИГах выседел до блеска	157

В.Ю. Калике –	
Я ушел со школьного двора	159
Т.А. Апакидзе, И.И. Бохонко –	
Работа, как у снайперов моя	160
Памяти Тимура Апакидзе	162
В.А. Батракову –	
Мы с железа – крепкие ребята	164
В.Д. Чайникову –	
В головах полно проблем	166
И.П. Сурнину –	
Давайте вспомним мы полёты ваши	168
Н.Г. Макатрову –	
Вот и всё! Остался как итог	170
Н.П. Едушу –	
Петрович, наши ЯКИ проржавели	173
Н.П. Едушу –	
Конечно поздравляем	175
М.В. Ковалёву –	
Что пожелать тебе дружище	177
Ю.А. Тимченко –	
Сегодня, мне приснился сон	179
Ю.А. Тимченко –	
Меня учил ты Юра не тому	182
В.А. Крузе –	
Что ж тебе Валера надо	183
Ч.И. Бондарчуку –	
Не грустите, что старше и старше	186
А.Г. Артёмову –	
Проводами спутана планета	188

В.В. Васькову –	
На КП минутное затишье	190
И меня когда-то в торопях	192

3. СТИХИ. ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА

Сад – был раньше здесь цветущий сад ...	
195 Римме – вот 30 лет как мы вдвоём ..	197
Гении и люди –	
Мы обуздали реки, мирный атом	199
Солнце гавань согревает	201
Я устал от жизни и забот	203
Поле – средь кустов на огороде	205
Новогодний вальс	208
Ах, март, весно ещё в начале	210
Н.М. Скрабаневской –	
Сегодня в нашем милом СУ	212
А.Н. Коротову –	
Сегодня званый будет ужин	213
Ираиде Григоьевне –	
Всё также, как и позавчера	217
Себе, Ирине Станиславовне	
и русскоиу солдату	218
И.И. Здакоманову, В.В. Нистратову – Когда	
впервые наш творец	221
Н.М. Скрабаневской, Н.А. Срокину –	
Эх жизнь с тревогами, заботами	223
И.В. Школьняку –	
Всегда в почёте был строитель	225

А.Н. Коротову (пьеса)	227
Г.И. Климкину –	
У нас Москва-река, не Сена	238
В.Ф. Зяблову –	
Мы цену хлебу знали с малолетства	240
А.Ю. Страхову –	
Толя, друг, возьми свою гитару	242
Н.П. Кущенко –	
Давай Петрович, нам налей	244
А.Н. Коротову (пьеса из 3-х частей)	246
Тайна существования –	
Когда-нибудь, наверно скоро	264
И всё же – на земле, на небесах	266
Я не умру от водки и от курева	268
Жизнь радовать Россию перестала	269
В Комсомольске-на-Амуре	270
Самолёт – Я собран до последнего винта ...	
271 Спасибо вам за доброту и ласку	274
Зачем убили царскую семью	275
Молитва	276
С.В. Капаниной	277
В.Г. Дейнеке –	
Где ты молодость моя?!...	278
Погибший лётчик	280
Жизнь	288
А может так?	289
До края.....	293
Прощайте милые друзья	295

**1. ПРОЗА.
ВСЁ, ЧТО ПОМНЮ...**

Родился я в поселке Сосновка Тамбовской области 12 февраля 1949 года. Я был третьим ребенком в семье. Все ждали девочку, а родился опять мальчик. Мама мне говорила, что я родился «в рубашке» — это вроде плёночки на теле младенца. Назвал меня двухлетний брат Вова, он заглянул в кроватку и сказал: «Зеня». Из раннего детства я помню снежный овраг, плетень огорода и себя плачущим.

В 1952 году летом наша семья переехала в г. Сталиногорск Тульской области (эти места в народе называли Бобрики). Здесь строился большой химический комбинат. Нас поселили в двухэтажном доме с коммунальными комнатами, общей кухней и одним туалетом на 20 семей. Комнатка была 16 метров, и жили мы в ней вшестером. Отец, мать, мамина сестра и нас трое, был у нас еще старший брат Федя. Взрослые на работу ходили по гудку на производстве, каждая смена — гудок. Детство вспоминаю как замечательное, беззаботное время. Голодными и разутыми не были. С конца войны прошло всего 8-9 лет, а в магазинах было всё и каждый год весной по радио объявляли о скидках на товары первой необходимости.

Женщины уже наряжались, а мужчины (процентов 80) продолжали носить гимнастёрки. К примеру, мой отец до конца своей жизни носил

её и был похоронен в гимнастёрке в 1970 году. Везде было много калек, одни — побирались и спивались, другие — находили себя в так называемом сегодня малом бизнесе и не только, продолжали уже мирную жизнь, воспитывая подрастающее поколение. Война ещё была свежа в памяти людей, и появление ядерного оружия усиливало напряжение и страх в обществе. Люди хотели мира.

У нас в комнате, как и у всех, висел круглый черный радиоприёмник и по нему народу вещали новости, радиоспектакли, транслировали футбольные матчи и музыку. Первый телевизор я увидел и посмотрел в 1955 году у Шумаковых — соседей по коммуналке. Они жили зажиточно. Сама хозяйка ходила в атласном халате с драконами.

В каждой семье был сарай для дров, солений и всякой живности. Мама готовили пищу на керосиновых керогазах на кухне. Запах керосина был везде, им же родители травили клопов и тараканов. В комнатах на окнах и подоконниках зимой всегда висели сосульки и лёд, мы его ковыряли и разогревали пальцами и ладошками. Это, наверное, потому, что рамы в окнах были одинарными.

Весь бытовой мусор сваливали в специальные ямы-помойки у домов и бараков. Они были сделаны как домики, покрашены белой краской

и пахли хлоркой. Мы лазили по ним, собирали фантики, этикетки от коробок для спичек, особо ценились лощенные. Во дворах были песочницы и качели. В каждом дворе было множество персональных натянутых верёвок для сушки белья. За домом был пустырь, — любимое наше место и летом, и зимой —, к тому же сторона была солнечной. В километре от дома располагалось кладбище, и похоронную музыку мы слушали практически каждый день. Когда проходили церковные праздники, мы, пацаны, садились на обочину кладбищенской пыльной грунтовой дороги и те, кто шёл на поминки, давали нам печенье, конфеты и яйца.

Государственные праздники были хорошо организованы, они были идейны. С флагами и патриотическими песнями, все предприятия шли колоннами и с радостными лицами. После митингов в каждой семье устраивалось застолье, которое затем выливалось на улицу с песнями под гармонь. Пьяные мужики ещё «воевали», спорили и нередко дрались.

Совсем недалеко от нас стоял продуктовый магазин, там продавалось всё, от шоколада до колбасы разных размеров и толщины. Я до сих пор помню этот приятный запах ещё тёплой дольки вкуснейшей варёной колбасы. И хлеб был тёплым на прилавке.

Очень сильно врезалась в память кончина

И.В. Сталина. Гудело всё, что могло гудеть с надрывом и долго. Все взрослые плакали, появились красные полотнища с черными лентами. Вся страна была в трауре. Глядя на всё это, мы, дети, тоже неосознанно плакали.

Но жизнь продолжалась. В 1955 году в сентябре я заболел брюшным тифом и чуть не умер. Без сознания был семь суток, в больнице возле меня была мама. Почему я помню этот сон — непонятно, а снился мне длинный коридор с ярким светом впереди, и я туда уходил. Потом услышал окрик матери, развернулся и пошёл обратно, но — в темноту. Отлежал я в больнице месяца два. Домой мама везла меня на санках, укутанного и сверху обвязанного своим теплым зимним платком. От этой эпидемии были умершие среди детей моего возраста.

Как-то весной за домом, где особенно грело солнышко, мы в небе на большой высоте увидели белое пятно, размером с изюминку. Взрослые тоже смотрели и не могли объяснить увиденное. Висело «нечто» на одном месте двое суток.

Наш город располагался вдоль какой-то воздушной трассы, и над нами в то время на небольших высотах летали самолеты Ан-2, Ли-2. Белых следов в небе тогда ещё не было.

В Тамбовской области у мамы осталась вся родня, и она иногда их навещала. Конечно бра-

ла и нас с собой. У деда, маминого отца, был небольшой дом с печкой и земляным полом в селе Троицкие Росляи. Вечером в доме горела керосиновая лампа, электричества в деревнях ещё не было. На пол стелили солому и по ней ходили. Зимой работы на селе было мало, а вот весной, летом и осенью — невпроворот. Крестьяне ложились спать в 12 часов ночи и были на ногах уже в четыре утра. Работали за трудодни, денег не платили. Осенью давали зерно, из которого пекли чёрный хлеб. Был огород за домом, с которого собирали урожай картошки, капусты, моркови, огурцов. Из всего этого делали запасы на зиму. Держали коров, овец и поросят. Уехать из деревни было практически невозможно, паспорт не выдавали под разными предлогами. Мама рассказывала, что когда была война, они в деревне пекли лепёшки из лебеды и ели.

Из Сталиногорска до села Троицкие Росляи мы добирались разными видами транспорта. Сначала ехали на автобусе до п. Донской, там мама брала билет до станции Ряжск. Когда подавали состав, мы с братом старались занять верхние полки, откуда было удобно смотреть в окно. Поезд отправлялся около 16 часов, а в Ряжск прибывал около полуночи. В составе были жесткие плацкартные вагоны. В деревню мама набирала гостинцы: баранки, пряники и карамель. В

дорогу варила яйца, курицу и картошку. Главной задачей мамы в Рязске было компостирование билета на следующий поезд до станции Богоявленск. Возле этого окошка на станции была большущая очередь, там всегда было шумно и матерно. Мы с братом сторожили вещи и играли в фантики. Станция Рязск была большим перевалочным пунктом. На территории перрона можно было набрать кипяток для чая. Немного подальше были туалеты. Когда мы шли по перрону, видели большие паровозы, основные колёса которых были для нас невероятно большими. На перроне всегда было туманно от дышащих паром локомотивов. Поезд на Богоявленск отправлялся в 2 часа ночи. Мама нас будила, и мы сонные шли на посадку. Иногда, когда не получалось компостировать билеты, нас сажали проводники в тамбур вагона за 5 варённых яиц. Конечно, в вагоне сразу опять засыпали. В 5 часов прибывали на место и опять компостирование билета до станции Сосновка. Поезд, который туда шёл, в народе называли Кукушка. Был он медлителен в пути и имел много остановок. Некоторые смельчаки пассажиры спрыгивали с первых вагонов, бежали в поле, рвали цветы и успевали запрыгнуть в задний вагон. В полдень мы были уже на месте. Теперь маме нужно было найти попутную машину или повозку до

села. Дорога туда была грунтовая. Если ничего не было попутного на вокзале, мы выходили на тракт и, обвешанные баранками с чемоданом, шли в сторону Троицких Росляев по пыльной дороге. Если накануне был дождь, то — по грязи чернозёма. Голосовали попутным машинам. Нас почти всегда брали. Вот такая была дорога к дедушке Якову Илларионовичу. Дед прожил семьдесят лет, рождён был в позапрошлом веке, в 1889 году. Воспитал и вырастил пятерых детей. В одно время работал шахтёром на Донбассе. Спина у него была чёрной от угольной пыли и не отмывалась. Мама нам рассказывала (а ей — её мама Елена), когда они возвращались домой из Донбасса в 1918 году с 3х-месячной моей мамой на руках, где-то в тех краях, деда чуть не зарубили шашкой казаки. Только наличие на руках младенца спасло ситуацию.

Мы каждый год на лето приезжали в эту деревню к маминой сестре тёте Марине. Дядя Петя, её муж, работал в колхозе конюхом, всегда брал нас с собой в ночное, где мы спутывали лошадей и стерегли их. Жгли костёр, смотрели на звёзды и засыпали под утро. Там мы с братом научились ездить верхом на лошадях. Вокруг деревни было много прудов, в них мы ловили карасей. Помогали по хозяйству. Помню, поехали за жёлтым песком, карьер был посреди

поля, глубина приличная, метра три, и вдруг лопата стукнулась обо что-то. Подняли, отчистили от песка и увидели гладкий каменный молоток сантиметров 15 длиной с аккуратной дырочкой. Куда дели — не помню, наверно, разбили. Древность под ногами, только копни, нагнись и подними. Лесов в том районе не было, одни посадки без грибов и ягод.

Раза три возила нас мама на лето к своему брату дяде Серёже. Это под Моршанском, село Вановье. Тут было поинтересней — речка, большой лес. Купались, бегали по округе с утра и до вечера. Спали на сеновале. Детство — прекрасный островок жизни.

К родным отца меня возили один раз летом в 1955 году. На поезде ехали до Москвы, а затем до города Калинин. Там от речного вокзала на пароходе «Ласточка» до города Старица. У парохода было большое гребное колесо, которое с шумом вертелось. На верхней палубе на крыше мостика капитана стояли вёдра, на которых были нарисованы по одной букве названия нашего парохода, ещё помню, были клетки с морскими свинками. В Старице мы гостили недели две. Там жил папин брат, дядя Костя. Я подружился с местными ребятами, и мы с утра до вечера бегали, играли. Купаться мне не разрешали — на Волге очень сильное течение (да я ещё и не

умел тогда плавать). Моста через Волгу не было, переправлялись с берега на берег на лодках. Особенно запомнились развалины церквей на обоих берегах реки. На полях и холмах было много ржавой разбитой военной техники — танки, орудия. Мы лазили по ней, крутили, вертели. В осыпавшихся окопах находили каски с дырками от пуль. Помню, как при перекапывании участка огорода попадались человеческие кости. Во время войны здесь были тяжелейшие бои, вся земля была пропитана кровью, а местные рассказывали, что Волга была багровой от крови.

У моей мамы первый муж ушёл на фронт и не вернулся. Пропал без вести, так и не узнав, что у него родился сын, мой старший брат Федя. После войны мама встретила моего отца. Он вернулся с фронта, но только инвалидом. Был хорошо образован. Работал на нефтебазе в Сосновке. Сошлись и родили ещё двух сыновей. Отец добился, чтобы матери выдали паспорт, и увёз всех нас в город.

В 1956 году я пошёл в 1-й класс начальной школы № 2 в Сталиногорске. Кстати, наш город поделён на две части в 12 км друг от друга. Одна часть называлась Север, другая — Юг. На Севере вредное химическое производство, а Юг — для жизни и отдыха рабочего класса, который обслуживал химкомбинат. Раньше по центру го-

рода в южной части проходила железная дорога с дымными паровозами, электричек ещё не было. Был вокзал и перрон.

Школа наша в северной части была деревянная, с партами, которые не во всех ещё музеях можно найти. Учителя, доска, мел и указка. Карта с двумя половинками земного шара. В школу ходили и детдомовские ребята, у которых не было родителей. У них была особенная серая форма. Запомнилась библиотека с интересными книгами. Каждый день начинался с утренней линейки, проверялся внешний вид учеников, давались указания и распускались по классам. Обстановка в школе была очень строгой. В этой школе я проучился до 4-го класса.

В 1958 году родителям дали трёхкомнатную квартиру в Южной части города, и мы весной переехали на новое место жительства. Дом был новый, красивый, кирпичный. Через год в доме заменили печки на газ. В подвале дома каждой квартире выделялся сарайчик с дверью, где мы хранили съестные запасы. В 1959 году мы купили первый телевизор. В этом же году я пошёл в 4-й класс средней школы № 4 на улице Свердлова. Это была новая школа и первым директором её был Иван Тихонович Андросов.

Где-то с этих лет народ становился другим, забывалась война, стали богатеть, но в магази-

нах кое-что стало пропадать. Появился дефицит на товары, были перебои с хлебом. Очереди занимали с раннего утра, чтобы купить булку. Почему это было, я не знаю, но то, что это было вредительством и саботажем некоторых лиц, уверен. Мы, пацаны, бегали везде и, как-то раз в парке наткнулись на большую яму, полную хлеба, заваленную ветками.

Рядом с нашим домом вскоре построили красивый кинотеатр с двумя залами, кафе и мороженым. Цена билета на утренние сеансы была 10 копеек, мороженое от 6-ти до 19-ти копеек. Вечером просмотр фильмов стоил подороже – 25 копеек. Сумасшедших очередей уже не было, смотрели наши и зарубежные фильмы. Первый фильм в этом кинотеатре был «Смерть в седле», кажется производства Чехии или Польши.

В городе был великолепный стадион и своя команда футболистов. Каждый матч – праздник для города. Болели на трибунах очень азартно, но до нынешнего сумасбродства никогда не доходило. У людей была внутренняя дисциплина и надлежащее воспитание.

В парке каждые выходные организовывались всевозможные аттракционы, вечером танцы под духовой оркестр. В киосках продавали любые напитки, и при этом был порядок.

В 1966 году я закончил школу № 4 в городе

Новомосковске (Сталиногорск переименовали в 1956 году) Тульской области.

Мечтал стать лётчиком с восьмого класса.

Сразу после школы сделал попытку поступить в Сасовское училище пилотов, но по конкурсу не прошёл. В тот же год поехал в Тулу и подал документы в Тульский спортивный аэроклуб. Он находился на территории Тульского Кремля. Желających летать было много — 115 человек. Но негласная ежегодная норма подготовки — 6-7 человек.

Так как я был из Новомосковска, а он от Тулы в 50-ти км, меня вызвал начальник аэроклуба и предупредил, что занятия проходят с 18 до 22 часов пять раз в неделю, и если буду пропускать, он меня отчислит. Я ответил, что понял и начал учиться желанному ремеслу.

После работы садился в автобус Новомосковск-Тула и через полтора часа прибывал в аэроклуб.

После занятий опять в автобус и в час ночи — дома, немного сна и в восемь — на работе.

Так я проездил с октября до мая и не пропустил ни одного занятия. За зиму прошёл три медицинские комиссии, и к началу полётов нас было семь человек, как и требовалось.

Когда начали летать, я уволился с работы и стал жить на территории аэродрома Мясново.

С 10 мая каждый день, включая выходные, мы, первогодки, летали на планере «Приморец» с 5:00 до 11:00.

После нас с 12:00 до 20:00 летали мастера на самолётах и планерах, планеристы часто сажали нас к себе на второе место.

Пилотировали они на планерах «Бланик» и А-15 иногда по восемь часов. В воздухе показывали нам пилотаж и умение искать воздушные потоки.

Вот так к нам присматривались и на второй год обучения уже предлагали самолеты Як-18 или Зет.

Лётная практика давалась мне легко. Мы освоили полёты за Як-12, они «таскали» нас в зоны. Инструкторы показывали нам штопор, глубокие виражи, а мы повторяли, исправляли ошибки и учились. В день нам давали до двенадцати полетов. Запуск осуществлялся с лебёдки «Геркулес». Она поднимала планер на высоту 280-320 м, когда заканчивалась её тяга, мы дёрнули рычаг впереди на приборной доске и отцепляли «уздечку». Барабан с тросом на лебёдке вращался со скоростью 100 км/час и планер набирал высоту на этой скорости. После отцепки трос 1000 метров длиной падал на землю. Затем его цепляли к буксировщику — у нас им был самолет Як-18 с обрезанными крыльями — и он

быстро доставлял трос к старту. Руководил работой лебёдки техник Богачёв.

Воздух я почувствовал быстро. Полет по кругу занимал 8 мин. Планёр идёт с постоянным снижением и на 4-ом развороте высота должна быть 100 метров. И у меня она всегда была. Мой инструктор Антонов как-то сказал: «Александров, из тебя хороший штурман выйдет», и ... угадал. Когда стали летать в зоны, то нас на высоту затаскивали самолетом Як-12. Пилотами на них были старые лётчики. Они часто ругали нас, когда при буксировке мы задирали или опускали хвосты их самолетов. Зона для отработки штопора находилась над небольшим «желтым» озером и мы над ним делали левый, правый штопор, потом глубокие виражи, горизонт держали ногами, вход в круг и 100 метров на четвёртом развороте. Полёты были каждый день. В 3:30 подъём, пока разобьём старт, расстелим брезентовые полотнища створа, и в 5:00 - первый взлет. У «мастеров» на лётную смену был своего рода конкурс на точность. В точке выравнивания в землю втыкали палочку, на палочку сверху надевали спичечный коробок, и кто передним колесом самолета сбивал коробок на посадке, тот был победителем и выигрывал содержимое в шапке, накануне приготовленной.

Так начиналась моя самостоятельная жизнь

— аэродром, планёры, самолеты и безграничная любовь к небу.

Самостоятельно вылететь на планёре мне не удалось. Тот день остался у меня в памяти. Как обычно мы начали полёты в 5:00. Я выполнил контрольный полёт с инструктором перед самостоятельным полётом и с надетым парашютом с ребятами немножко решили подтащить планёр к старту. Стоял сам слева у открытой кабины, кто-то у стабилизатора, а курсант Николай Мартин у правой плоскости. Вдруг раздался крик — буксировщик. Тут же последовал удар, который свалил нас всех на землю. Мне левая плоскость ударила в парашют. Когда вскочили на ноги, то увидели страшную картину — стоит буксировщик без винта, у планера отрублена правая плоскость и на земле вертится Мартин. В самый последний момент Коля обернулся и успел упасть, винт буксировщика прошёл над ним, но правая сторона стабилизатора сильно ударила его по голове. С сотрясением мозга его с аэродрома увезли в больницу. Потом уже из училища я с ним переписывался, он стал хорошим пилотажником. Полёты на определённое время закрыли. Причина происшествия — ослепление солнцем пилота в буксировщике. А мне уже надо было ехать в училище.

Ещё в сентябре я подал рапорт в Качинское

училище лётчиков и в конце июня меня вызвали в Новомосковский горвоенкомат. В аэроклубе меня отпустили. Конечно, я обещал вернуться.

В военкомате сказали — опоздал, в Качу уже уехали. И мне вдруг предложили Луганское истребительное училище, где будет первый набор. Я поехал, но когда прибыл на место, узнал, что училище будет готовить штурманов. Вот так я стал, а потом и привык быть штурманом. Ни с того ни с сего полюбил физику и математику. Летать стали на втором курсе на самолетах Ту-124ш. Без команды штурмана на многоместных самолетах в небе ничего не происходит. Он задаёт курс, скорость, высоту лётчику, а последний выдерживает заданный режим. А, то, что летчик — командир, да ради Бога, кто-то должен же руководить экипажем. Учили нас многому, а порой и ненужному. Я быстро научился отбрасывать шелуху знаний, чтобы она не мешала мне в профессии. Помогло, все упражнения КУЛП (Курс учебно-лётной подготовки) по профилю ракетноносной авиации я отлетал на «отлично», по бомбометанию в училище был первым. Генерал Лашин вручил мне подарок — электробритву с гравировкой. Я был практик, и это мне нравилось.

После училища летал на самолетах Ту-16 всех модификаций на Северном флоте. Очень любил

самолёт-ракетоносец Ту-16К-10-26. Именно на нём в 1979 году в составе экипажа Б. Тарнайкина осуществил пуск крылатой ракеты по «реальной цели», которую поставили в середине Баренцева моря. Пуск был успешным.

Для военного штурмана вопросы навигации вторичны, главное — боевое применение: пуски ракет и бомбометание. Просто так бороздить в небе — это не интересно. Работа ракетоносца особая — найти и уничтожить врага в море. Все клетки твоего организма направлены на это и ты чувствуешь непередаваемый азарт ракетной атаки.

Когда после окончания лётного училища мы прибыли в полк, нам сказали интересную фразу: «Забудьте всё, чему учили вас в училище, здесь вас будут учить по-другому». В полку было три эскадрильи. Две ракетоносные на самолетах Ту-16к-10, и третья — заправщики, постановщики помех и просто бомбардировщики. Я попал во вторую ракетоносную эскадрилью в экипаж А. Уварова вторым штурманом. Штурман у меня был А. Кучумов. Так, с декабря 1971 года началась моя служба в морской авиации ВВС Северного флота.

Полеты в северных широтах и над морем — сложное дело. Для определения своего места положения в воздухе мы использовали бортовое оборудование Ни-50, два АРК, астрокомпас

Ак-53. На Севере для моряков была создана система ВЕЕР, и ей мы тоже пользовались, считая точки и тире, определяя пеленг самолета. Конечно, бортовая радиолокационная станция «ЕН» очень помогала нам в вопросе навигации.

Задача ракетноносной авиации - пуски ракет. Главное звено в этом — штурман и штурман-оператор. Именно эти два человека решают эту задачу, остальные члены экипажа помогают им в этом. Я не хочу обидеть лётчиков, но это факт, и он — неоспорим.

В первое время в полку к нам присматривались: как осваиваем технику, как выполняем тактические пуски в воздухе, как работаем на тренажерах, и потом у руководства складывалось какое-то мнение об экипаже, о связке штурман — штурман-оператор, и принималось решение на полковом уровне о допуске экипажа к практическим пускам. Каждый год особым приказом назначались пусковые экипажи и самолеты. Экипаж Уварова, где я летал, стал пусковым уже на второй год. Это уже говорило о нашей хорошей подготовке и слётанности.

Очень часто летали полковым составом (до сорока самолетов) в плотных боевых порядках, с дозаправкой топливом в воздухе и с подвешенными крылатыми ракетами. В весенние месяцы каждого года был в полку 36-часовой

график полётов. В течение этого срока мы выполняли три вылета на радиус действия самолёта, снаряжённого всем боекомплектом, включая крылатые ракеты. Каждый вылет начинался с тревоги, воя сирены. Нас доставляли на аэродром, где готовились самолёты. Экипажи проводили комплексные проверки ракетного оборудования, получали предполётные указания и по зелёной ракете в режиме радиомолчания взлетали. Это всё проходило на фоне проводимых учений Северного флота. Флот своими кораблями обозначал нам цели в Норвежском море, а мы по ним работали. Ракетноосцы выполняли дозаправку топливом в воздухе. Напряжения и нагрузки были очень высокими. Третий вылет был, как говорится, «на автомате». Уставали, но наши молодые организмы быстро восстанавливались, и нам опять хотелось подниматься в небо и побеждать.

Раньше на самолетах не было проблесковых огней, и держаться в строевых порядках визуальнo ночью было трудновато, а маленький белый огонёк на корме впередиидущей машины мы часто путали со звездой. Помогала РЛС, на пульте управления, которой штурман-оператор переключал определённые гнёзда и видел в виде точек на экране самолеты товарищей, ну и, естественно, подсказывал лётчику где самолет ведущего.

Полеты часто проходили в облаках, в условиях обледенения и струйных течениях ветра до 350 км/час. А ночью, когда не было облаков, летали как в полусфере, усыпанной звёздами. Зимой видели бело-синие полярные сияния. На широтах Новой Земли и выше иногда замечали бордовые свечения. Летали над Белым, Баренцевым, Карским и Норвежским морями. Все острова, изгибы береговой линии знали назубок. Лето на севере короткое, зачастую под крылом льды и снега. Например, Карское море и в конце июня подо льдом. Весёлые места. Когда полет проходил на предельно-малых высотах днём, мы видели огромные стада оленей, которые шарахались от рёва самолета вправо-влево. Ещё весной в Белом море, когда начинает сходить лёд, в освободившемся ото льда море, очень много белух и греющихся на льдинах тюленей.

Когда-то, в первые годы службы в морском ракетноносном полку на аэродроме Лахта, в разговоре с другом Геней Перегудовым, я пообещал ему написать свои воспоминания о нашей лётной жизни и книгу назвать — 64.20с.ш. 43.00 в.д. Это у нас была точка ИПМ (Исходный пункт маршрута). Думаю, что слово я своё сдержал.

Летать над морями и океанами сложнее, чем просто летать. Ты находишься между двумя агрессивными средами. Полёты над морями Северно-

го Ледовитого океана ещё сложнее и опасней. Экипировка в плане спасения на воде при полётах на Ту-16 была простая: на комбинезон сверху надевали спасательный жилет. В катапульте была маленькая лодка МЛАС-1. Залезть в эту лодку в унтах и меховом комбинезоне было невозможно. В незамерзающем Баренцевом и Норвежском морях температура воды круглый год +4-6. От переохлаждения человек в такой воде погибает за 5-10 минут, так говорили на занятиях наши полковые врачи.

Не для красного словца — мой первый командир экипажа А.Уваров говорил в узком кругу, случись что с самолётом в этих высоких широтах, он команду на катапультирование давать не будет. Решать будете сами — прыгать или оставаться в самолёте.

Над Белым морем у нас была зона на малых и предельно малых высот. Маршрут проходил в восьми километрах западнее о. Соловки, но мы всегда немного отклонялись и проносились над Соловецким монастырём, а также доворачивали на одинокие островки, где виднелись церквушки или большие кресты.

В этом же районе мы учились дозаправке на высотах 4000-6000 метров. Работа лётчиков при дозаправке в воздухе виртуозная. Заправка тогда была крыльевая. Конусная, которая сейчас, на-

много легче. Главными действующими лицами в момент заправки были командир экипажа, т.е. левый лётчик и КОУ (командир огневых установок), который сидел в корме и хорошо видел заправщика, его шланг и захват на своей плоскости крыла. Он своими командами помогал лётчику. Это было бесспорно трудно. И когда мы летали на тактические удары по кораблям противника, то истребители с авианосцев, которые нас обычно перехватывали и сопровождали, как только видели, что мы занимаем строй дозаправки, сразу отходили на безопасные дистанции и оттуда наблюдали за нашей работой. Уважали за сложность этого действия.

Как-то ночью мы группой из девяти самолетов возвращались из-за «угла», то есть Норвежского моря. Вёл нас командир полка В. Жаботинский. До «трёх пятачек», так мы называли остров Кильдин, оставалось километров сто пятьдесят. И тут началась катавасия и неразбериха. Нас с «земли» заставили пересчитаться несколько раз, а потом развернули с курсом 90 на Новую Землю, и через Канин Нос посадили дома. После посадки командир опять пересчитал все борты, которые сели, и доложил наверх. Почему так, никто нам не говорил, и только спустя какое-то время мы узнали, что над Кольским полуостровом был сбит «Боинг». Он тоже

шел с севера, и был где-то возле наших самолетов, возвращавшихся с задания. ПВО трудно пришлось в этой неразберихе, но справились.

Были интересные, неординарные задания. Утром зимой в воскресный день нас подняли по тревоге. Выделили три самолета. Подвесили по четыре ФАБ-250, дали точку в Карском море и приказали: то, что лежит на льду, утопить. Взлетели. Часа через полтора увидели на льду лежащий черный объект. Выполнили маневр, зашли на цель, прицелились и залпом сбросили все двенадцать бомб. Сфотографировали работу на втором заходе и, удовлетворённые своей работой, вернулись на базу.

Каждую лётную смену мы выполняли задачи по обеспечению флота. Эти полёты были всегда. Придёшь в район моря и галсируешь по команде с корабля или выполняешь какой-то заранее подготовленный манёвр, а там внизу моряки что-то по «тебе» отрабатывают. Был случай. Пришли как-то в район, перешли на частоту работы, а на ней кто-то поёт песни в эфир, как сейчас говорят, на языке ближнего зарубежья. Лётчик А. Панченко и так и этак, еле урезонил этого певца.

Что касается различного рода происшествий, один раз у нас произошёл интересный отказ. Мы выполняли полёт зимой ночью на половину радиуса действия самолета с выполнением двух так-

тических ракетных пусков. После острова Колгуев пошли на снижение до полутора тысяч метров с началом работы по цели на острове Лумбовка. Погода стояла отличная, видимость хорошая, без облачности. Вышли на Канин Нос на заданной высоте и по заданию перешли в набор высоты до 7500 метров, как вдруг слева что-то хлопнуло, и радист кричит: «Командир, горит левый двигатель!» Лётчик А. Шишлевский мне: «Ты чего видишь?» Я говорю: «Из левого двигателя сноп искр, но не горит». Выключаем левый двигатель и включаем противопожарную систему левого. Смотрим на правый двигатель, а из него тоже искры, но поменьше. Заняли две тысячи метров, доложили через экипажи РП, который нам дал команду — идти домой напрямую. Правый искрит, но тянет. Командир экипажу всё же сказал, чтобы приготовились по команде катапультироваться. Потихоньку проходим водную акваторию горла Белого моря и выходим на материк. Стало полегче и повеселей. Аэродром Талаги разрешил нам проход через свою точку, и мы с малого круга произвели посадку дома. Зарулили. Когда техники стали осматривать двигатели, то увидели, что лопатки компрессора целы, а выходные лопатки турбины в левом двигателе наполовину срезаны, а в правом двигателе только верхняя часть лопаток сантиметра по два. До сих пор мне

непонятна причина столь серьёзного отказа. Наверно в районе мыса Канин Нос всё же есть аномальная зона.

Очень запомнилась мне одна лётная смена. В двух полётах я был инструктором. Первый полёт выполняли днём на обучение бомбометанию второго штурмана корабля с прицелом ОПБ-1ру. Пришли на полигон Лумбовка, погода отличная. Первый проход был холостым. Спрашиваю 2-го штурмана: «Цель видел?» Он отвечает: «Видел хорошо». Говорю ему: «Тогда готовься работать со второго захода». Заходим, прицеливаемся и сбрасываем бомбу П-50-75. Я с переднего места штурмана корабля смотрю, где будет разрыв от цели. Бомба упала с перелётом метров 500. Руководитель полигона дал результат 510 метров, запретил дальнейшее бомбометание и отправил домой. Обидно, конечно, было в такую чудесную погоду отбомбиться на двойку. После посадки доложил старшему штурману полка. Он при мне позвонил Главному штурману авиации СФ, хотел объясниться. И вдруг кладёт трубку и говорит, там сказали — не до тебя. Такой ответ озадачил нас. Уже потом стало известно, что когда мы ушли на точку, на полигон пришёл экипаж Ту-142 с задачей — бомбометания. Что-то у них пошло не так, и как результат, бомба упала в матросский кубрик, в оружейную ком-

нату. К счастью, никто не пострадал. Конечно, наш результат 510 метров никто даже не вспоминал. А по бомбометанию Ту-142 было много указаний и мероприятий.

Во втором полёте я контролировал штурмана корабля. На левой плоскости у нас висела ракета КСР-5. Задание на 0,5 радиуса самолёта, тактический пуск ракеты по полигону Лумбовка и стрельба ПРЛ патронами над Чешской Губой. Ночь, простые метеоусловия. Первым стрелял наш экипаж, ведомый делал фотоконтроль. Затем ведомый увеличивает скорость, выходит вперёд и готовится к стрельбе, а наш экипаж уменьшает скорость и отстаёт от ведомого на 20 км, чтобы сделать фотоконтроль его работы. В какой-то момент отставания был упущен контроль за скоростью и на высоте 7500 м произошёл «подхват». В невесомости находились 24 секунды. Повезло, что не свалились в штопор. Когда справились с пилотированием полупослушной машины, установили нужный режим полёта и продолжили выполнение задания. После полёта были оргвыводы. Итог этой лётной смены остался в моей памяти.

Как-то на высоте 4500 метров подходим к заправщику, и вдруг хлопок в районе правого двигателя. Выключили его, зашли на посадку на одном. Сели. После осмотра входного устрой-

ства и лопаток компрессора, по пятнам крови на них и перьям, стало понятно, что в двигатель влетел гусь. Удивительная птица, на перелётах может лететь до 10 000 метров.

Как-то по тревоге нам несколько раз отменяли вылет. Задание было серьёзное. Мы вылезали из своих катапульти и шли в высотный домик, где ждали и отдыхали. И вот с третьего или четвертого раза – зелёная ракета. Взлёт, набираем высоту, уже подходим к 8000 метров, и тут, оказывается, не идёт кислород в кислородные маски. Стали быстро соображать – почему? И вдруг осенило – а открыли ли нам перед полётом вентили на КПЖ. Оказалось, что когда нам переносили вылет, механики перекрывали КПЖ, а когда вроде бы давали команду на запуск, открывали вентили на КПЖ. А вот в третий раз закрыли, а открыть забыли. Технический люк, через который можно было добраться до КПЖ и открыть три верхних злополучных крана, находился за моей катапульти. Высота уже была 9 000 метров. Наддувом кабины этот люк прижало. Кричу Л. Данилову: «Командир, разгерметизируй кабину, иначе не оторвать люк!» После сброса наддува, люк отвалился, открыли вентили и, подышав кислородом, пришли в себя. Загерметизировали кабину и продолжили выполнять задание. Об этом случае мы не до-

кладывали, но очень запомнили его. Да, раньше мы весь полет дышали только чистым кислородом. Потом перешли на смесь. После 4-5 часов на чистом кислороде некоторые не могли вылезти из самолета из-за болей в суставах. Но это быстро проходило. Или закуришь после полета и ощущаешь лёгкое головокружение.

При полетах на боевую службу — это специальное задание на выявление кораблей — мы ходили парой. Летишь, увидел в локатор цель — идёшь вниз, делаешь фото корабля и опять на эшелон. Ведомый в это время ждёт тебя наверху. На следующую цель вниз идёт уже он. По остатку топлива возвращались домой.

Один раз разведка обнаружила два военных корабля в районе острова Медвежий. Помню, один корабль был французским. Но это не был полёт на БС, а просто на выявление и фото заранее известной цели. Пошли одним экипажем. Командир полка, ставя нам задачу, делал акцент на том, что нужно сделать фото этих кораблей. Обязательно. Пару кораблей в локатор мы увидели сразу. Вечерело. С дальности километров двести пошли вниз. Полет в облаках. Остров Медвежий тоже видим в локатор. Цели от него восточнее в пятидесяти километрах. Снизились до 100 метров, кое-где море видно, но куски облаков висят до воды. С первого раза выскочили

на цель и увидели в разрыве только часть кормы корабля. И началась наша охота. Отойдём километров на сорок, разворот на цель, прижимаемся к воде до пятидесяти метров, смотрим во все глаза, у КОУ в готовности фотоаппарат РА-39, но облака до самой воды. Так мы сделали шесть заходов и безрезультатно. Летчик Д. Артамонов уже говорит: «Штурман, остаток топлива 9.5 тонн, пошли домой». Досадно, но ничего не поделаешь. Пришли, доложили. Потом нам сказали, что с севера тоже ходили на цели, но непогода и им помешала.

Помню, был какой-то праздник, подняли нас по тревоге с нанесением удара по кораблям в Норвежском море. В начале маневра для атаки нас перехватили до 5 самолетов F-16 с аэродромов Норвегии. Сначала всё шло нормально — у них своя задача, у нас — своя. Перехватили плотно. Вдруг один норвежский истребитель выскочил снизу перед носом нашего ракетноносца экипажа Д. Артамонова. У последнего от выхлопной струи сразу спомпажировали оба двигателя. Самолет пошёл вниз, ему из нашей группы выделили самолет сопровождения экипажа В. Гольтякова. Но всё обошлось, двигатели были запущены, и экипажи вновь заняли свои места в боевых порядках.

Как-то при проверке МГИМО подняли эска-

дрилью с дозаправкой и тактическим ударом по цели Лумбовка. Заправка была на высоте 5-6 километров в море. Я был в экипаже Б. Тарнайкина. Началась заправка, и мы подошли к своему танкеру. Погода отвратительная, облачность. Сцепились, но топливо не идёт, на танкере — отказ. Что делать? Стали договариваться с другими в группе, чтобы они не забирали полностью топливо со своих танкеров и оставили нам. Решили. Теперь надо было найти эти танкеры в такую погоду. Помучились, но увидели нужные танкеры, и у каждого забрали по 3 тонны. Но это полбеда, группа-то наша ушла вперёд и надо догонять. Решили не доходить до верхней точки маршрута и срезать. Где-то на 78 широте уходим вправо и начинаем готовиться к удару. По расчету даю команду на боевой курс, выскакиваем из облаков и Боря кричит: «Женя, мы в строю!» И действительно слева и справа от нас были самолёты наших товарищей. Поставленная задача была полностью выполнена.

Очень часто взлёт и полёт к цели был в радиомолчании. Экипажи уходили в небо по зелёной ракете. По отработанному плану занимали свои эшелоны, выдерживали запланированный режим полёта. На боевом курсе были две цифровые команды. В эфире полнейшая тишина. И один раз по стечению обстоятельств это срабо-

тало не так. Полковой вылет выполняли днём в простых метеоусловиях. После набора высоты выстроились в боевой порядок и пошли к цели. Следов за самолётами не было. Командир группы решил визуально пересчитать нас. Шли все плотно, все были на виду. И вот повторив пересчёт раза три, ведущий пришёл к выводу, что одного самолёта нет. Принимает решение сделать переключку позывными. Один не ответил. Что делать? Радиомолчание закончилось. В эфире очень бурно начались поиски отсутствующего. Прошли о. Вайгач, выходим в Карское море, уже скоро подготовка к пуску, а тут такое. И вдруг в эфир выходит «пропавший» и докладывает: «678 в строю, на борту порядок». Дальнейший радиообмен я пересказывать не буду, читатель может сам догадаться. Потом уже на земле мы узнали обстоятельства этого случая. Экипаж Р. Абдульмянова после взлёта выполнял все манёвры и соблюдал радиомолчание. Но в какой-то момент штурман корабля своим портфелем нечаянно выключил АЗС радиостанции. Внешняя связь пропала. Тишина в эфире, как требует задание. После набора высоты, а у Абдульмянова был самый верхний эшелон, и он, чтобы лучше видеть самолёты боевого порядка, отошёл вправо на 15 км и оттуда выдерживал своё место в строю, почему и не был

виден визуально ведущим группы. К тому же светило было справа. Так и летели, пока штурман случайно не заметил выключенный АЗС и включил его. И тут они услышали эфир, свой позывной и брань. Пошумев немного, успокоились. Все сосредоточились на нанесение удара по времени и месту. Если бы не радиомолчание и не штурманский портфель, было бы всё иначе и без нервов.

При полётах очень важна осмотрительность. Но и не менее важной является радиоосмотрительность, которая приходит с опытом лётной работы. Лётчик тактично может поправить руководителя полётов, если возникли сомнения в грамотности его команды. В 1972 году мы были молоды, наш экипаж выполнял полёт на предельно малую высоту ночью в простых метеоусловиях. Для определения поправки в высотомер, мы после взлёта выполняли полёт по кругу со снижением и замером над полосой этой поправки относительно радиовысотомера и барометрического ВД-20. Далее от траверза уходили на маршрут малых и предельно малых высот. В процессе нашего полёта по кругу РП разрешил взлёт другому экипажу с таким же заданием, но направил его для замера поправки с расчётного угла и с последующим отходом. На траверзе наш правый лётчик увидел промелькнувший какой-

то красный огонь по курсу. Командир — руководителю полётов: «В районе траверза видели красный огонь». В эфире тишина и команда РП экипажам (наши позывные): «Усилить осмотрительность!» Повезло. На траверзе оказались два борта на одной высоте. На каких метрах мы разошлись — неизвестно, но АНО на плоскости другого самолёта лётчик увидел.

Когда в воздухе не было нервотрёпки, полёт проходил спокойно, размерено, с редкими командами штурмана по изменению курса или высоты. Иногда, вроде бы безобидная фраза, сказанная в такой умиротворительной обстановке, заставляет вздрогнуть весь экипаж. Этот случай произошёл в нашем полку, только вот забыл в каком экипаже. Самолёт Ту-16к10. Полёт проходил над морем, на большой высоте, ночью. И вдруг по внутренней связи проговорили: «Командир, это 2-ой штурман, ко мне кто-то в люк стучится». «Не понял. Кто стучится?» — переспросил командир экипажа. В ответ: «Да не знаю, во входной люк снизу кто-то стучится». После небольшой паузы озадаченный таким диалогом командир спокойно с иронией ответил: «Хорошо, подтяни кислородную маску и никому не открывай, понял?» Получив утвердительный ответ, продолжили полёт. Уже на земле, когда вышли из кабин, увидели и причину сту-

ка. Рядом с люком 2-го штурмана располагался технический люк, и техник, запихивая в него чехол, оставил снаружи кусок фалы с кольцом на конце. Это кольцо и стучало по люку. А ведь в воздухе можно подумать что угодно...

В своих воспоминаниях я не хочу писать о быте, не даю характеристики друзьям и товарищам. Каждый проживает свою жизнь так, как ему хочется, и давать оценки кому-либо — это просто неприлично.

Для быстрого обучения лётного состава полка приходилось дооборудовать имеющиеся тренажеры, строить новые. В нашем полку силами личного состава был построен прекрасный класс с наглядными пособиями по пускам ракет; автоматизированный тренажер бомбометания; тренажер по определению курса по звёздам и солнцу с астрокомпасом АК-53. Когда я уже стал штурманом полка по боевому применению, то кабинет свой перенёс в класс тренажера. Там наблюдал за работой экипажей и знал всё об их готовности. Как-то мы пускали ракеты КСР-5 в районе Каспийского моря. В пусках участвовали экипажи трёх полков дивизии. Организация была очень сложной — взлёт с базовых аэродромов Северного флота, дозаправка в воздухе над Цимлянским водохранилищем, пуск ракет и возвращение домой. Доразведку погоды в зоне до-

заправки выполнял экипаж А. Панченко, штурманом у него был автор этих строк. Наша задача была сделать разведку погоды, приземлиться на аэродроме в районе Вологды и с местного КДП корректировать встречу танкеров и пусковых экипажей. Когда собранные боевые порядки ушли к цели, мы на КДП стали ждать результатов пуска по дальней связи. Там же присутствовал руководящий состав авиации Северного флота и нашей дивизии. Помню удивление на их лицах, когда после получения доклада о прямом попадании двух ракет (а наш полк пускал третьим), я сказал: «Отлично отработали, все три ракеты попали». Присутствующие с недоумением посмотрели в мою сторону. А я просто был уверен в своём пусковом экипаже, что он отработает только на «отлично». Через 10 минут пришла радиотелеграмма о прямом попадании третьей ракеты.

(Иногда меня спрашивают, что вот вы летали с таким грозным оружием на борту, вам не страшно было применить его? Конечно, лучше этого не делать. Но если, кто-то в войсках начнёт анализировать приказы сверху, то это уже не армия, а размазня. Советская мощь - была сдерживающим фактором в противостоянии цивилизаций).

Часто говорят об опасности профессии лёт-

чика. Мне кажется, это не верно. Она не опасней любой другой профессии. Хороший лётчик, это не тот, кто выходит победителем из сложных ситуаций, а тот, кто предвидит их и не попадает туда. Небо не прощает, на авось там не проходит. У человека нет крыльев и поэтому, поднимаясь в небо на механических аппаратах, он попадает в агрессивную среду пребывания. Только выполнение нами законов лётного дела сохранит наши жизни. Досадно только одно — иногда мы всё же ошибаемся.

Один раз в году мы выполняли межфлотский манёвр. По тревоге подготавливали самолеты, подвешивали ракеты, прогоняли комплекс готовности самолета и ракеты, получали указания и по зеленой ракете в режиме радиомолчания взлетали, согласно плановой таблице. Маршрутов готовили два: основной — Архангельск, Котлас, Горький, Воронеж, Жданов, Геническ, Весёлое (Крым) и запасной — Архангельск, Онега, Вытегра, Вышний Волочёк, Брянск, Полтава, Кривой Рог, Весёлое. Перелёт выполняли днём или ночью. Если ночью, то в полночь вылетали и в 4:00 садились. Кушали. Спали. В 13:00 подготовка к полету на Каспий, там был наш ракетный полигон. Опять спали с 15:00 до 20:00 и — на аэродром. Подготовка самолетов, ракеты, проводили комплекс и, после дачи указаний,

взлетали. Взлётный вес был предельным — 79,5 тонны. Старались использовать всю длину полосы. Скорость отрыва 325 км/час. Бежишь целую минуту и с последних плит отходишь от полосы. Маршрут: Весёлое, мыс Меганом, Джубга, Брянское, остров Тюлений, Зензели, Элиста, Камышеватская, Геническ, Весёлое. В 4:30 посадка. Отдых, подготовка, опять по самолетам и в 23:00 первый пошёл домой, и все следом. В 4:30 полк «сидит» дома. И вот в таком темпе мы летали, пускали ракеты и возвращались довольные проделанной работой. Удивительное было время, всё выдерживали, не болели, и хотелось ещё и ещё подниматься, и побеждать.

Были у нас и сборы по дозаправке ночью на аэродроме Кольского полуострова. Собирали экипажи со всех полков, и летали каждую ночь с 22:00 до 6:00. И это на протяжении двадцати дней. Когда мы возвращались домой, то приходилось привыкать спать ночью, а не днём. И было нам это необычно и смешно.

Я уже не говорю о посадках на запасные аэродромы по погоде или по остатку топлива при возвращении с заданий.

Иногда мы летали с ледового аэродрома на Кольском полуострове недалеко от города Апатиты, в тайге. Морозы по 40-45 градусов. /Хотя, морозами нас не удивишь, у себя на базовом аэ-

родроме нам приходилось летать при температуре минус 51 градус./ Окна в бараке мы утепляли брусками снега. Из меховых комбинезонов практически не вылезали — как чукчи. Спали в лёгком шерстяном трико, на двухъярусных железных кроватях. Такие командировки продолжались до 20 дней.

В 1974 году наш стационарный аэродром решили отремонтировать — укладывать новый бетон. Старая полоса была очень плохой, порой на пробеге от тряски парашют в катапультном кресле вставал ребром. В начале мая перелетели мы на аэродром Умбозеро. Я был в составе экипажа А. Сапченко, который первым приземлился туда. Полосу только построили, и она с глиссады выглядела белой. Сделана была из бетонных плит, ВПП была шириной 48 метров и 2 500 метров в длину. Для самолетов были предусмотрены капониры, куда нас ставили тягачами. На озёрах ещё был лёд, снежок в тайге был местами, температура от 0 до 10 градусов. Поселили нас в щитовой барак, общий коридор и комнаты слева и справа под экипажи из 6 человек. На комнатах висела табличка с фамилией командира экипажа, сама комната была пуста. Ничего. Сказали, всё выдадут. На обустройство дали нам 2 дня и опять полёты. Такие командировки продолжались три года, продолжительностью с мая по октябрь. Ко-

нечно, было трудновато и в жизненном, и в служебном плане. Но выстояли и победили. Здесь на Умбе мы узнали многое, ранее не встречавшееся в жизни. В полутора километрах от нас был посёлок, необычный, в нём после «отсидок» жили на поселении. И чтобы мы не контактировали с местными, построили нам отдельный магазинчик с пивом. У нас тоже бывали выходные от полетов. Было у них в посёлке всё: от колбас разных до всяческих рыб. До сих пор помню белый хлеб, который они пекли и продавали. Мы ещё шутили, если на самолёте проехать по нему, то он опять поднимется. Вкус и аромат был изумительный.

Вокруг нашего аэродрома была вековая тайга. Ели, берёзы, редко сосны, кустарник. Много сухостоя, иногда плечом стукнешь такую берёзу, она сразу ломается в 3-4 местах и нужно успеть отбежать, чтобы не прибило падающими кусками ствола. На определённом удалении от своих барачков мы своими силами построили бани у речек, были у нас в тайге свои кафе, где мы отдыхали. В 74 году был большой урожай на грибы. В лесу одни подосиновики. У нас матросы за пятнадцать минут набирали целый кузов машины. Червивых грибов я не встречал. В свободное время собирали северный виноград — голубику. Она росла возле наших стоянок на

аэродроме. И мы между вылетами успевали покусать эту вкусную ягоду. С этих кустов питались и медведи, мы их видели.

Ещё мы ходили на рыбалку на Умбозеро, со льда. Зимняя рыбалка там особенная. Сначала на берегу срубашь ельник и тащишь на озеро. Буришь лунку, ложишься на ельник и смотришь в лунку, а там, как в аквариуме, чётко видно дно и какая рыба подходит к мормышке. Остаётся только дожждаться момента и дёрнуть удочку. Ловился сиг и палия. Варили уху.

Донимали нас полчища комаров. Если не сделать марлевую завесу над кроватью, то уснуть не дадут. Без сна в полет тяжеловато. Когда идёшь, над фуражкой стоит чёрный столб из комаров. Даже в кабине, когда ты привязан к катапульте, на высоте, стараются тебя укусить в ногу или в свободную от кислородной маски часть лица. Спасались только, включив вентиляторы и направляя поток на лицо и ноги.

В тайге мы видели интересные круглые маленькие озера по 2-5 метров в диаметре. Вода в них голубая, красивая. Пытались длинными палками достать дно, но не удавалось. В этих озерах не водилось никакой живности, даже букашек. Ещё помнится зелёный плотный мох, идёшь по нему — он колышется, но держит. Возьмёшь нож, разрежешь крестом, поднимешь

лепестки, а там голубой лёд, чистый, без примесей и на вкус приятный. Деревья растут корнями у поверхности, и когда дует сильный ветер, он их легко выворачивает из почвы. Камни везде разных размеров, озёр и рек не считать.

Тайга летом всегда где-то горит, мы это видели с воздуха и докладывали руководителю полётов, а он гражданским лицам, ответственным за тушение.

Грозы и полёты — это несовместимо. Но иногда...

Первый раз пришлось мне повстречаться с грозой ещё курсантом на 4-м курсе. Мы выполняли дневной тренировочный полёт с аэродрома Миргород. По причине непогоды нас послали на запасной аэродром — Полтава (позывной Таловка). В воздухе было много самолётов и все с критическими остатками топлива. На точку вывели на 11 000 м. Дали снижение и уже на 10 000 м вошли в облака. В наушниках треск и свист. Экипажи плохо слышали команды руководителя полётами и поэтому без мата не обошлось. Из облаков вышли на высоте 300 метров. Сели, выдохнули, успокоились.

Второй раз случилось испытать мощь стихии над Каспийским морем в 1972 году. Мы ночью летели на пуск ракеты в составе полка. После острова Тюлений встретились с грозовым фрон-

том. Штурмана были заняты пусками ракет — нам не до фронта. А вот лётчикам пришлось тяжело. Ощущение было, будто едем по булыжной мостовой, плоскости махали, как у галок крылья. По остеклению стекало синее пламя. И это всё на высоте 11 000-12 000 м. Выскочили из фронта где-то у Элисты. До посадки на аэродроме Весёлое не могли собраться в боевой порядок. Разбросало нас в грозовом небе. Но пронесло. Сели все.

Третий раз на полигоне Лумбовка при стрельбе из кормовых пушек. Пришли на полигон, снизились до 400 метров и стали выполнять задание. Когда ещё подходили к цели на высоте 7500 м и на снижении, то лавировали между облаками. Они казались не особо опасными. После стрельбы отход был с набором до 7200 м. Надо набирать высоту, но фронт сомкнулся и мы оказались зажаты мощными облаками. Тресло очень прилично, но справились. После посадки долго смеялись над лётчиками, у них лица все были черными. Вытирали пот с лица, а на руках шевретовые черные перчатки.

Четвертый раз при перелете ночью с Крыма в Архангельск (домой). Шли одиночно друг за другом. В районе города Ржева подошли к грозовому фронту. Я летел в составе экипажа Л. Данилова. По запросу Саксафона (Москва) нам

дали команду обходить фронт левее. И мы пошли — слева чисто, а справа всё сверкает. Высота 11100 м. Прошло время и мы уже вошли в зону ответственности Ленинграда (Колхида), а справа всё ещё фронт. Когда запросили, можно ещё чуть-чуть левее, нам ответили — там уже Финляндия. Оставалось только вправо и мы пошли с курсом на город Вытегра. Кидало и бросало нас недолго — километров 100. Выскакиваем из облаков, а там красотище — чистое небо и полоса белых ночей. Сели нормально.

Хочется сказать немного о полетах при минимуме погоды. Подтверждение классной квалификации — это уровень подготовки экипажа и, конечно, выплата классных в конце года. Что для этого нужно: выполнить определённые полеты на боевое применение и сделать определённое количество вылетов при минимуме погоды. Минимум раньше был днём — 100x1,5 и ночью — 200x2, т.е. нижний край облаков 100, 200 метров при видимости 1500, 2000 метров. Самолет Ту-16.

Как обычно «поймать минимум» было сложно. И начинался ажиотаж в конце года, иногда даже летали за «погодой» на другие аэродромы или круглосуточно были в готовности начать эти полеты на своём. Декабрь, ночь, погода пришла, но сильное обледенение. За один круг

(15 минут полета) лёд на шасси, патрубках нарастал до 5см. Технический состав его сбивал на осмотре и борт выпускали на 2 круг.

Помнится мне один полёт. Ночной минимум с небольшим снегом. Нам нужно было выполнить 2 полета по кругу. Взлетели, круг, глиссада, выходим из облаков впереди полоса и не садимся по причине техники пилотирования левого лётчика. Уход на второй круг. И так семь кругов. Топлива в баках 2100 кг. Гена Перегудов – второй лётчик уже подтянул ремни катапульты и парашюта. Последний круг, говорим командиру, чтобы сосредоточился, иначе прыгать. Заходим, вываливаемся из облаков и по командам «подсказки» РП наконец садимся. Самолет бежит по полосе, тормозим и видим справа торчит хвост самолета Ту-16, передняя часть которого слетела с полосы, а хвост на полосе. Тишина в эфире. Мы прижимаемся влево и с торможением обруливаем его. РП начинает настойчиво вызывать борт Караваева, который садился перед нами и тот после долгого молчания отвечает – я выкатился, стою на ВПП справа, надо вытаскивать. Спасибо Лёши Караваеву – что молчал до нашей посадки. Иначе нам бы пришлось катапультироваться. Потом выяснилась и причина столь нелепого пилотирования нашего лётчика. Усталость, нарушение режима

отдыха перед ночными полетами.

Как-то выполняли полёт ночью в боевых порядках полка. Видимость миллион на миллион. После условной отцепки ракеты мы должны были уйти на большую высоту, кажется 9400 м. Дал команду — командир набор до 9400. У меня был молодой 2-ой штурман Витя Раушен-Буршен и я ему помогал в прицеле удерживать цель в наборе. Контроль за высотой не осуществлял, положившись на лётчиков. Когда посмотрел на высоту — обомлел. Она была уже 10500 м. Криком лётчику остановил набор. Он конечно тоже испугался, ведь мы прошли через занятые высоты боевого порядка и теперь втихоря надо было опять пересечь эти высоты и занять свою высоту 9400 м. Конечно, усилив осмотрительность, мы это сделали.

Другой случай. Тоже связан с выдерживанием высоты. Полеты ночью. Дали нам снижение до 1200м на точку. Не знаю, чем я зацепил фишку шлемофона, но она разъединилась. Снижаемся. Я занимаюсь навигацией, даю лётчику отсчёты высоты. При достижении высоты 1200м даю команду — горизонт. Но снижение продолжается. Не пойму в чём дело. И тут меня осенило — почему я не слышу РП и радиообмен на канале. Гляжу, фишка болтается справа. Быстро соединил, и прокричал — ГОРИЗОНТ!

Вывели машину из снижения на высоте 300 м. Набрали 1200 м, зашли и сели. Спрашиваю на земле — почему снижался. Ответил, что перепутал высоту.

Разные были ситуации. Небо, хоть и прощает ошибки, но делает это очень редко. Наш полк с 1958 г. и до расформирования не имел тяжёлых лётных происшествий. В этом заслуга всего личного состава. Почти 50 лет без катастроф — это впечатляет. В ВВС тоже был один полк, который летал без потерь.

Лётчики морской авиации часто показывали примеры беззаветного мужества и героизма при выполнении задач в мировом океане. Да, были и трагедии, но в большинстве случаев удавалось спасти людей и машину.

Хочу привести Вам два примера доблести и отваги морских авиаторов:

— 4 октября 1972 года экипажу командира эскадрильи А. Свиридову была поставлена задача по выявлению авиационно-многоцелевой группы, во главе которой находился авианосец «Америка». Задача усложнялась тем, что кроме радиолокационного контакта с группой кораблей, необходимо было выйти на визуальный контакт с авианосцем и выполнить перспективную аэросъёмку объекта. Для выполнения задачи решено было вылететь парой самолётов

Ту-16р. Ввиду высокой манёвренности кораблей АМГ место нахождения их в Норвежском море было ориентировочным. Полёт проходил в сложных метеоусловиях, но пара наших самолетов-разведчиков обнаружила ордер кораблей противника. Оставив ведомого на эшелоне, Свиридов приступил к снижению, чтобы выйти на визуальный контакт. При подходе к авианосцу на высоте 200 метров под правую плоскость нашего самолета встал истребитель палубного базирования F-4 (Фантом). Его действия носили провокационный характер, однако экипаж уверенно шёл к цели. Истребитель противника старался помешать выполнить задачу — заснять авианосец. Через 10 минут такого тесного сопровождения лётчик F-4 предпринял попытку резким выходом вперёд спомпажировать работу правого двигателя нашего самолёта. Но судьба распорядилась иначе: произошло столкновение летательных аппаратов. По счастливой случайности управляемость не была нарушена. Всё это произошло в непосредственной близости от воды, на большой скорости и в 2000 км от аэродрома. На возглас командира огневых установок: «Командир, в плоскости две большие дырки!» — командир экипажа спокойно ответил: «Ребята, дырки будем считать потом, после выполнения задачи». Высочайший профессионализм, силь-

ная воля и мужество командира и всего экипажа позволили с честью выйти из наисложнейшего положения и с высоким качеством выполнить поставленную задачу. Кстати, «Фантом» тоже благополучно приземлился на палубу, об этом на следующий день при перехвате жестами показали лётчики с авианосца.

— 4 августа 1976 года двум экипажам была поставлена задача вскрыть надводную обстановку в северной акватории Атлантического океана при перелёте с Кубы на аэродром базирования ВВС Северного флота. Задание было сложным, но командиру отряда дальних разведчиков Ту-95РЦ А. Красносельскому к такому не привыкать: подобных трансатлантических полётов и перелётов в его лётном багаже был не один десяток. Аркадий часто говорил своим товарищам: «В небе могут одерживать победу только люди сильные духом и горячо любящие профессию лётчика». С аэродрома Гавана взлетели рано, погода соответствовала выполнению задания. Тяжёлые машины медленно уходили ввысь. Ровно работали все силовые установки, стрелки приборов пилотирования и контроля работоспособности оборудования располагались в нужных секторах отсчёта. При подходе к эшелону, командир ведущего самолёта по внешней связи предупредил ведомого об усилении

осмотрительности, т.к. эта область была с интенсивными полётами гражданских самолётов по «трекам». Для тяжёлых машин попадание в турбулентную воздушную массу при полёте по «потолкам» всегда является опасным. Горизонт был чист. Но вдруг самолёт ведущего, будто невидимая могучая сила сначала слегка придала, а затем бросила вверх. Аркадий мгновенно среагировал и отдал от себя штурвал, но выйти из смертельного объятия возмущенной воздушной массы не удавалось. Скорость медленно сползала к критическому значению, не помогла дача РУД всем четырём двигателям до максимальных оборотов. Доложил о случившемся ведомому. Руки перестали ощущать биение рулей, движения его стали легки. В какой-то момент экипаж ощутил странную дрожь в теле машины и, не опуская носа, самолёт вошёл в глубокий правый крен. Падали «сухим листом», так и не найдя точки опоры. Аркадий, до удара о воду, держал связь с ведомым и говорил ему о поведении самолёта. Даже такая обстановка, большие знакопеременные перегрузки, близость последнего мига не смогли сломить волю этого отважного лётчика, который до конца боролся, чтобы спасти самолёт и жизни членов экипажа.

Почему происходят аварии и катастрофы? 75% — это вина личного состава. Причины раз-

ные и их много. Человеку свойственно ошибаться. На памяти у меня много таких трагических случаев. Сам часто принимал участие в расследовании аварий и катастроф, но вспоминать об этом не хочу. Одно время я вплотную работал с Тимченко Юрием Андреевичем — инспектор-лётчик СБП МО РФ. Умный, вдумчивый, прекрасный организатор. Так вот однажды он мне сказал: «А знаешь, Женя, если человек адекватный, ему и не нужно знать все тонкости документов, регламентирующие безаварийную лётную работу. Он по складу мышления не допустит нарушений в своей работе ни на земле, ни в воздухе». И он прав в этом.

В 1987 году я был переведён в Москву в штаб авиации ВМФ на должность заместителя начальника по международным перелётам. Работа была очень интересная, но по полётам тосковал и надеялся, что скоро начну летать. А пока на пороге была перестройка, которая привела к развалу Советского Союза. В начале 1989 года «забурлили» республики. Все захотели независимости. Образовались народные фронты, которые подогревались западом. В январе в городе Баку произошёл оползень, который обрушился на матросскую столовую. Погибло 28 человек. В Баку в то время было очень неспокойно. И для организации отправки тел погибших на роди-

ну меня отправили на аэродром Кала, недалеко от Баку. Туда я сажал транспортные самолёты морской авиации, и они доставляли «груз 200» до нужных точек. Дороги от Баку к аэродрому Кала были заблокированы народным фронтом. Мне приходилось встречаться с ними и договариваться, чтобы они не препятствовали доставке тел погибших. Что представлял этот народный фронт – одетые в фуфайки бородатые люди с ружьями, сидящие вдоль дорог на обочине. За 7 дней поставленная задача была выполнена. Тем временем на аэродром уже стали прибывать силы для деблокирования города Баку. Мне дали команду на возвращение, и я поздно вечером на самолёте Ан-12 прилетел в Москву. По прибытию утром на службу меня вызвал к себе начальник штаба и приказал в 13.00 вылететь снова в Баку. В помощники мне дали офицера тыла. Новое задание – эвакуация членов семей, базирующих там воинских частей. Ситуация в Баку накалилась до предела, находиться в такой обстановке было небезопасно для гражданских лиц. Квартиры обстреливались из огнестрельного оружия. Когда прилетели на место, провели совещание с представителями ВВС по плану эвакуации. В это время на аэродроме проходило наращивание сил для освобождения столицы Азербайджана. Воинский контингент и

технику доставляли ночью на самолётах Ил-76. Спецназ готовился к штурму, а мы отправляли на самолётах женщин и детей на большую землю. Всего авиацией ВМФ было эвакуировано 2500 человек. Организация была таковой, что добро на приём самолетов я давал сам. Посадки и взлёты были в ночное время без прожекторов и с выключенными аэронавигационными огнями. В воздухе на подходе со стороны РЦ управления не было. Перед началом операции прилетел Министр обороны и поставил задачу. Рано утром началось выдвижение сил с аэродрома, я был в штабе местной эскадрильи в 250-ти метрах от КПП. У пропускного пункта на территорию гарнизона народный фронт жёг костры. Тишину утра нарушила автоматная стрельба и буханье из пушек БТР. Заминки у спецназа на КПП не произошло, в считанные секунды весь народный фронт был сметён. Войска пошли на Баку. В городе был введён комендантский час. Все активисты народного фронта были арестованы. Дороги все подмели, мусор вывезли. Возвращение в Москву было на самолёте Ан-12, до отказа загруженного женщинами с детьми, и мне пришлось в хвосте самолета присесть на «груз 200» девятнадцатилетнего парня из Благовещенска, погибшего при штурме города. Никогда этого не забуду... Так закончилась моя командировка,

но начинался развал Союза Советских Социалистических Республик.

В 1990 году добился перевода на лётную работу, восстановился на Ту-16, а в 1991 году в Липецком Центре переучился на самолёт Су-24.

В город Липецк из Москвы летал самолёт Як-40 с аэродрома Быково. Переучивание было зимой. На 23 февраля отпросился слетать домой. Отпраздновал в семье праздник и пришло время лететь на учёбу. Раньше, чтобы добраться до аэропортов города Москвы, нужно было доехать до метро «Аэропорт», там находился Центральный аэровокзал, сесть на автобус и доехать до нужной воздушной гавани. Погода была отвратительная — дождь со снегом. Сел в автобус и стал ждать отправления, повернувшись к окну. Вдруг справа от меня на свободное место кто-то грузно сел. Я повернулся и увидел своего попутчика — им оказался Георгий Степанович Жженов. Поздоровались и познакомились. До аэропорта Быково, говорили о разном. Собеседником он оказался приятным. Много рассказывал о работах в кино, о том, что сегодня утром не побрился, потому, что не было света и т.д. Обсуждали и фильм «Экипаж», где персонажи крепили хвост самолёта верёвками. Я сказал, что это невозможно, на что Георгий Степанович отреагировал — Женя, да это для дилетантов

картина. Когда доехали до аэропорта, узнали, что наши рейсы по погоде переносятся на неопределённый срок. Народный артист летел в Магнитогорск. Походили по аэропорту, потом я ему предложил пойти в VIP-зал. У меня был пропуск, а Георгий Степанович забеспокоился — вдруг его не пустят, даже приготовил книжку Героя Социалистического Труда. Когда подошли к залу, девушка-администратор расплылась в улыбке, мой попутчик был узнаваем везде. Нам заварили самовар и опять в ожидании рейса говорили, говорили и говорили. Наконец объявили о посадке — в Липецк и в Магнитогорск. Расставаясь, мы обменялись домашними телефонами. Я ему потом звонил раза два, Георгий Степанович приглашал в театр на постановки с его участием. Но как-то не сложилось. Последний раз видел его в Геленджике на летней эстраде, он читал стихи. Вот такая произошла встреча и знакомство с известным любимым артистом.

Первый полёт на самолёте Су-24 совершил на аэродроме Тукумс, недалеко от Риги. Командиром полка там был Павел Никулин (мы с ним до сих пор дружим). На земле меня готовил инструктор Гена Бочкарёв. Штурман на этом самолёте контролируется на тренажёре т.е. на земле. Полёты все самостоятельные. Лётчика мне прикрепили Виктора Романова. Мы с ним

летали, когда шёл процесс обучения. Летали в зоны и по маршруту. Одна из зон была в районе мыса Колка, с пилотажем над сушей и морем. Когда шли до неё обычно крутили бочки. Продолжительность полёта по маршруту была непривычно для меня малой — 25 минут. Помню, подлетала к Земле большая комета, и мы на маршруте смотрели на это красивое представление в ночном небе. Бомбили на полигоне Салдус. Он был близко от аэродрома — 50 км. Когда занимали исполнительный старт, РП давал условия взлёта и время сброса первой бомбы на полигоне — плюс 4 минуты от взлёта. Иногда бомбили по кораблю недалеко от г. Лиепая, там был морской полигон. На полигоне Салдус пускали ракеты со сложных видов манёвра. Была и сухопутная зона в районе озера Усмас. После полёта по маршруту обычно занимали зону для пилотажа. В зоне делали манёвры на крыле 69 градусов, виражи, горки, боевые развороты и бочки. Самолёт Су-24 очень хорош, умный. В какие-то командировки летал в Сууркюле, в Черняховске и Чкаловске. На этих аэродромах освоил Су-24м и Су-24мр. В 93 году Су-24 появились в нашем Центре в Острове. С Острова с лётчиком Егором Кузнецовым перегоняли Су-24 на аэродром Североморск-1. В 1994 году была поставлена задача морской авиации под-

готовить эскадрилью Су-24 в ВВС Северного флота (в Североморске). Для лётной подготовки экипажей были задействованы лётчики-инструкторы Липецкого Центра. А для подготовки штурманов и общего контроля командование направило меня. После проведения необходимых мероприятий мы приступили к полётам. Выполнили несколько лётных смен. В те годы были модны действия по сокращениям, сиё не обошло и нашу вновь созданную отдельную эскадрилью. Тогда не считались ни с чем и с лёгкостью пускали под нож и новое, и старое. Конечно, всё вспомнить и описать невозможно. Но, хоть что-то расскажу по памяти.

Летал на Су-24, Су-24М и Су-24МР. В 1993 году мне было присвоено звание — Заслуженный военный штурман России. В 1999-м в 50 лет вышел в отставку. За 32 года службы не было ни одного взыскания. Налетал 3000 часов.

Не могу не затронуть мои воспоминания о жизни и службе в Советском Союзе в политическом плане. Я был октябрёнком, пионером, комсомольцем и коммунистом. Всеми этими званиями гордился и был активным в политической жизни. Любил свою Родину — Советский Союз — и служил ему как мог. До сих пор храню членские документы.

Хочу отметить важную деталь. Путь к небу у

меня был сложным — неудача при поступлении в Сасовское училище, работа автослесарем на авторемонтном заводе в г. Новомосковске, 60-ти километровые будничные поездки на занятия в Тульский спортивный аэроклуб, жизнь на территории аэроклуба во время полётов. Трудно было. Можно позавидовать тем, кто закончил школу и сразу поступил в училище. Но я никому не завидую. У них своя жизнь и судьба, у меня своя. Если бы начать всё сначала — повторил бы, не задумываясь.

**1. СТИХИ.
ВОЕННАЯ ТЕМАТИКА**

Гимн первым

Да здравствуют Соколы!
Кто был — там, не около,
В комбезы одетые,
И в песнях воспетые!

Летавшим, кто мало,
Летавшим, кто много,
Кто сел вновь на Землю,
А кто сел у Бога.

Кто первым поднялся,
На борт самолета,
Кто первым прочувствовал,
Радость полета.

Кто первым сумел,
Посадить, приземлиться,
Кому суждено было,
Первым разбиться.

Кто первым повис,
На ремнях над землёй,
И мир удивил,
Своей «мёртвой петлёй».

Кто первым превысил,
Высоты и Махи,
Кто знает таран,
Лобовые атаки.

Тому, кто решился,
В последнем пике,
Остаться навеки,
Живым на Земле.

И Сыну Планеты,
В кабине «Восток»,
За первый и дерзкий,
Престижный виток.

Вам, первым Героям!
И Дважды И Трижды,
Отдавшие небу,
И силы и жизни.

Вам, первым!
Которым вторым быть нельзя,
Такая судьба,
И такая стезя.

Вам, первым, КРЫЛАТЫЕ!
Вам, этот ГИМН!
А подвиги Ваши
В веках сохраним!

2008 г.

Ракетоносцы

(Норвежское море 1972 г.)

I часть

Экстренное совещание

Полюшкин:

С авиации звонили:
Натовцы опять приплыли,
На контакт хотят поднять
Пару Ту-95.
Мне сказали пока ждать,
Далеко, их не достать.
Пусть поближе подойдут,
Там и нам взлететь дадут.
Штабу! Всем! «готовность раз»,
Карты, схемы и приказ
Подготовить, написать,
Мне сегодня показать.
Отпуска и увольненья
Отменить на дни ученья,
Экипажи сосчитать,
Всех в таблицу и — в печать.

Зарубин:

Полк к заданию готов,
Правда, мало танкеров.
Что ж, помыслим, подытожим
И к исходу дня доложим.

Полюшкин:

Хорошо. Все по местам,
Выдать всё, что нужно нам,
Замам, штабу, штурманам,
Подконтрольным нам частям.
Ершков с группой на РП, —
На весь срок на КДП, —
После, после полетаешь,
Сколь сидеть, потом узнаешь.
Всё понятно. Ну отлично,
Полк возглавлю в небе лично

В кабинете у Зам.ком.полка.

Таранда:

Василенко, Шмулевцов,
Как состав у вас, готов?

Василенко:

Все готовы, рвутся в бой,
Поведу их за собой.

Шмулевцов:

У нас тоже все здоровы,
На врага лететь готовы.

Таранда:

Как у Вас дела Лукич?

Сапченко:

Да, с заправщиками бич,
Без напряга семь даю,
Остальные не в строю.

Таранда:

Ладно, жду Вас ровно в пять,
Будем группы, план, верстать.

Подготовка в эскадрильях

Здесь во всю идут дела,
Ждут гостей из-за угла.
Обстановка деловая,
Часто в тех краях летая,
Каждый знает, что к чему,
Как лететь, пускать, ему.

Телеф. звонок ком.полка

Опер. деж:

Вам приказ передаём:
Рано утром всем полком
По команде разом — вдруг,
Неприятельский АПУГ
Разметать и уничтожить,
Север третий вам поможет.

Полюшкин:

Кто нам даст координаты?

Опер. деж:

Цели?

Полюшкин:

Да!

Опер. деж:

Девяносто пятый.
В море держим два борта.
Мы с Кипелово с утра.
Цель заметили уже
На Фарерском рубеже.
Выведут по реперам,
Позывные утром дам.

Полюшкин:

Это всё?

Опер.деж:

Всё будто, вроде.....

Уточним всё на подходе

— цели к нашим рубежам,

Курсы, ход, всё передам.

Ком.полка начальнику штаба Зарубину

Полюшкин:

Замов срочно всех собрать,

С плановичкой ко мне в пять

Зарубин:

Плановичка черновая!

Полюшкин:

Да не важно. Пусть — любая.

В кабинете у ком.полка

Полюшкин:

Сверху поступил приказ:

Два полка поднимут с баз,

Наш и в помощь — Север третий,

Если там утихнет ветер.

Экипажи все в ДС,

Завтра свалимся с небес.
На чужие корабли,
Что незвано к нам зашли.
Плановичка?

Таранда:

Вот она.

Ком. полка анализирует спланированные группы

Группа РЭБ у нас одна,
Танкеров – семь, маловато,
По шесть тонн дадут на брата.
Шмуль под лепесток пойдёт,
На своих всё заберёт.
Боевой порядок весь,
На разведку пара есть
И седьмой со шлангом здесь
Чтоб разведке дома сесть.
Де-мон-страто-ры – левее,
Возражений не имею.
Утверждаю! Сдать в печать.
Всем в ДС, отъезд начать.

Инженер:

Командир, хочу спросить,
Может топливо залить?

Полюшкин:

Снарядить ракеты, пушки,
Всем заправка под заглушки,
«Комплекс» сразу прогонять
И готовность всем занять.
Заправляй машины срочно.
Вам всё ясно?

Инженер:

Да. Так точно!

Полюшкин:

Я сейчас – на КДП,
Там до вылета – с РП.
Всё что надо уточним,
Над погодой поворчим.
Указанья ровно в час.
Штабу приступить сейчас
К подготовке схем, решенья,
Всё, как требуют ученья.
Как узнаем обстановку
И закончим подготовку –
Лётчиков в ДС созвать,
Разместить и дать поспать.

II часть

...Ровно два, добро на взлёт,
Доразведка — в самолёт.
Из тайги торчат носы,
Всё вниманье на часы,
Чтобы запуск рассчитать,
В боевых порядках встать.
Загудел родимый дом,
Наш лахтян аэродром.
В бой спешат орденоносцы,
Корабли-ракетоносцы,
В них товарищи, друзья,
Там, читатель, был и я.
Вся рулёжка разогрета,
Вот на взлёт дана ракета,
Молча в небо мы ушли
И растаяли в дали.

С Хаммерфеста нас проспали,
Перехват не выполняли.
Замело видать его,
В небе мы, и — никого.

Танкера исход заняли,
К ним ракетноносцы встали,
Пары своего сосут.
Филигранный это труд.
Боевые снова в строй,
Танкера пошли домой.

Полюшкин:

Пума! Пума! Я с работой,
Уточни цель для охоты.
Позывной мой «полста пять»

Разведчик:

Приготовься принимать!

Полюшкин:

Штурман, цель передают!

Иванов:

Я готов, пускай дают.

Разведчик:

Полста пять, Вам репер шесть
5, 3, 100.
Крылатый есть.

Полюшкин:

Понял, сколько Вы в районе?

Разведчик:

Семь часов гуляю в зоне.

Полюшкин:

Ну пока, давай гуляй,
Я начал, ты не мешай.

Полюшкин:

Штурман, слышал, есть крылатый.

Иванов:

Да, улов у нас богатый,
АВМ – цель не проста,
Самолётов больше ста.
Как дела у Шмулевцова?

Полюшкин:

Говорит «болтает» снова
Там внизу он в облаках,
Экипажи на местах.

Иванов:

Командир, 500 до цели!

Полюшкин:

Да, подкрасться мы сумели.

Иванов:

Группам всем, команда «двести».

Полюшкин:

Наши тоже все на месте.

Курс держу, режим, – давай
«Комплекс» быстро прогоняй.

Фронтом встали экипажи,

Все ракеты на форсаже.

«Сто» – прошла «разблокировка»,

Завершилась подготовка.

Штурмана цель держат цепко,

Дальность нужная – ОТЦЕПКА.

Полюшкин:

Опоздали супостаты,

Сами, сами виноваты.

Вот теперь пускай «Томкеты»

Сбить попробуют ракеты.

«Счас» им станет не до нас,
Двадцать штук попёрли враз.
Хоть «условно» отцепили,
Но АПУГ мы утопили.

КОУ:

Командир, смотри дымят!
Справа парой к нам летят.
Вон их сколько, снизу тоже,
Вроде на «Фантом» похожи.

Полюшкин:

Да, «Фантомы», вижу — пять.

КОУ:

В хвост зашли атаковать.

Полюшкин:

КОУ пушками и ты
Для остратки покрути.

Полюшкин:

по внешней связи
Группа снизу, как дела?

Шмулевцов:

Всё в порядке, вверх пошла.

Полюшкин:

Осторожно группе всей,
Тут полно у нас « гостей».
Навалились, спасу нет

Шмулевцов:

Им же некуда лететь....
Выхожу за облака
Чисто всё вокруг пока.

Полюшкин:

Радист! Почту отстучи.....
Всё что нужно, уточни.
Флот бы надобно прислать,
Чтобы тонущих спасать.
Пошутил, работой Паша
Уже скоро небо наше.

КОУ:

Отвалила пара сзади,
Злые вроде.....

Полюшкин:

То, с досады
Вот, умыли полосатых

Новиков:

Прав. летчик

Да, сполна досталось НАТО.

Шмулевцов:

Первый! Я на эшелоне,

«Гостей» видел на догоне.

Близко к нам не подошли,

Гнались, гнались и ушли.

Иванов:

Ветерочек встречный, свежий

Траверз – 100, прошли Медвежий.

Новиков:

Слева вижу самолёты.

Полюшкин:

А, то «третий» на работу.

Боковой там приутих,

На АПУГ подняли их.

Сядем, малость отдохнём,
К вечеру опять пойдём.
Я сменю РП – Ершкова,
Замы пусть ведут вас снова.
Опыт нужно им набрать,
Как полками управлять.

Сели мы, усталость вяжет,
От бессонья в теле тяжесть.
Завалиться бы в кровать,
И проспать бы суток пять.

2008 г.

Рекомендация...

(Случай при атаке кораблей
в Норвежском море)

* * *

Пока нет войны — учись!
Как-то нас подняли ввысь
По сирене, по тревоге.
По знакомой нам дороге
Та, к которой полк привык.
Через Солзу — напрямик.

Дело было ночью. Точно.
По-граждански — свехурочно,
Когда всем хотелось спать,
Нам приказ — врага достать,
В море «ордер» изловить
И с задачей — утопить.

Темень в небе, глаз коли,
Звёзд не видно и земли.
Скорость, высота, режим.
Жуков первый, мы за ним.

К Кашкоранцам собрались,
Без возвратов обошлись,
Техника не подвела,
Дух атаки подняла.

Проскочили Кольский вмиг,
Нас с земли вели одних.
На каналах тишина —
Всё, как требует «война».

Облака остались сзади,
Полк, в строю, как на параде.
Звёзды сверху, по бокам
Помогали в курсе нам.

Вышли в заданный район,
Взяли по двенадцать тонн,
Цель разведчик уточнил,
Место, курс нам доложил.

Огляделись, всё то всё
Тут Ян-Майен, там Тромсё,
Нулевая долгота,
Цель как будто бы не та...

Меток пять, а где шестой,
Самый важный и большой?
Напряженье, как в бою,
Нет «крылатого» в строю.

Хорошо не поспешили,
Обстановку оценили,
Чуем сердцем, враг хитрит
И просчёт нам не простит.

Слева вдруг блеснуло вроде,
Цель большая в Вест-Фьорде.
Довернули, левый крен,
Вот он — возле Лофотен.

Чувств с избытком от азарта!
Мы с маневром в точку старта,
Взяли АВМ в захват,
Объявив врагу — вам «мат».

Молча, чтобы скрыть секреты,
Подготовили ракеты,
Подтянулись не спеша
И пустили, всё круша.

/Вот бывает как порой:
Тот, кто главный сам собой
Незаметно отойдёт,
Встанет выгодно и ждёт.
И как только будет сзади,
Вмиг ударит из засады
Вот вам воин тактика,
Хитрость, опыт, практика/

**Чтобы быть всегда в строю,
Будь прозорливей в бою!**

Морским лётчикам Севера

Мой рассказ о тех полетах,
О ракетах, самолетах,
О годах, в которых жил,
Как летал и как служил.

Гарнизон наш звали Лахта,
Тяжела была там вахта.
Стерегли, чтоб лютый бес,
К нам по морю не пролез.

Знаменитый полк, всяк знал,
В нем Катунин воевал.
В бронзе отлиты сыны,
Три героя той войны.

Здесь в архангельском лесу,
Положили полосу.
Вот с нее-то и взлетали,
Мы тогда, в морские дали.

Бесов ждали за углом,
Где моря не подо льдом.
Ордера, что в Баренц плыли,
Мы встречали и «топили».

Эскадрильи на местах,
Небо в звездах и крестах.
Экипажи слиты, спеты,
Пуск — и к целям шли ракеты.

Вот такие, брат, дела,
Брали топливо с крыла.
Днем и ночью заправлялись,
И с победой возвращались.

Крепок был тогда пилот,
На руках вел самолет.
Он штурвал держал от взлета,
Не было автопилота.

В море гладь, ни ям, ни кочки,
Только реперные точки.
ППМ-ом там всегда,
Широта и долгота.

Пролететь такой маршрут,
Не простой, тяжелый труд.
За бортом сплошь облака,
А в кабине два АРКа

Помогали в океане,
ВЕЕРа — Рыбачий, Канин.
И Панкратьев на Земле,
60 точек и тире.

Залетали так далеко,
Море спереди и сбоку.
А назад часами шли,
До родной своей земли.

Налегке с широт, как с горки,
Направленьё — « три пятерки».
Берег виден с корабля,
Это Кольская земля.

Недалече уж до дома,
Своего аэродрома.
Курс 170, на юг,
Море Белое, Мудьюг.

Точка роспуска — «отсчет»,
На снижении расчет.
Как ведущих не нагнать,
Не отстать, не перегнать.

Хоть юлой вертись на пятке,
Свято время на посадке.
Мастерство ценилось тут,
Сесть от двух до трех минут.

Север — редко ПМУ,
Все заходы были в СМУ.
Только «варежку» открой,
И уйдешь на запасной.

А погода здесь на диво,
Как заладит лить тоскливо.
Как завьюжит, занесет.
В дреме северный пилот.

Как-то нас циклон прижучил,
Мы – домой, нас на «Дремучий».
Семь бортов пришли, а там,
Полный в метео бедлам.

И пошел лихой завод,
На посадке хоровод.
Сгоряча, но все ж сумели,
Пять бортов, зашли и сели.

Остальным Московский КВО,
На посадку дал «добро».
В Туношное посадили,
Чаем, спиртом угостили.

Сам Потапов разобрался,
Кто не видя, приземлялся.
Где Кипеловский РП,
Чуть не спрыгнул с КДП.

....Это что! – видал пилот,
Умбу - мать озер, болот.
Вот где вправду семь чудес,
Елки, палки до небес.

Там по плану и до срока,
Возвели АС подскока.
Поступила вводная,
Шла война холодная.

Долго думали, судили,
Нас, лахтян, там посадили.
Чтоб летали, матерели,
И врага побить сумели.

И у древних гор Хибин,
Коллектив наш из мужчин.
Без семей, вдали от Лахты,
Вырабатывал характер.

Да! ЛЕТАЛИ! Неба мало,
И всего тогда хватало.
И ЗВЕНЕЛА полоса,
Разрывались НЕБЕСА.

.....Сколько в жизни нам досталось,
Поделиться с кем бы малость.
Комариным Кольским краем,
И хваленым этим Раем.

2007 г.

Полет на перехват

(посвящается Василию Георгиади)

Не пишу стихи давно,
А ребята с ПВО
Просят, чтобы написал,
С ними вместе полетал.

Что ж, садимся в грозный Су
И вперед на полосу,
Друг за другом, нас ведь двое,
Как туземцы на каноэ.

Тесно, рост мой на пределе,
Центнер целый в моем теле,
Я в передней, друг мой сзади,
Вася Георгиади.

ВКК, ГШ в порядке,
В баках топлива в достатке,
УРы Р-60 висят,
Цели скоро поразят.

Дал отмашку техник наш,
Порулил мой «Карандаш»,
Взгляд через длинющий кок,
Тормоза, вперед кивок,

Упор в теле и затылках,
Угол взлетный на закрылках.
По команде от РП
Нам добро на ВПП.

Здесь привычная сноровка,
Автоматом подготовка,
РУДы дал до форсажа,
И машина, вся дрожа,
Подалась чуть-чуть вперед,
Отпустил — пошла на взлет.

На прощание скупа,
Скорость, ручка до пупа,
И в стремительный полет
Перешел наш самолет.

Ну, держись враг-супостат,
Я иду на перехват.
Скорость, высота растут,
Нас с КП к нему ведут.

Эйфория от азарта,
В минимальный срок от старта
Нужно быстро в точке быть,
Нарушителя там сбить.

Цель видна, уже маячит,
Рядом марка скоро значит.
Выйдем на рубеж огня,
Не уйдет он от меня.

Дальности с КП отсчет,
Да и с Васей наш расчет,
И по курсу, высоте,
И в маневре быстроте.
Дальность нужная, захват,
На слежение – автомат.

«Главный», лампа «УР готова»,
Тут с КП твердят нам снова,
Цель с маневром вниз пошла,
Мы за нею не спеша.

Погонялись – шуры-муры,
Кнопка «Пуск», сошли все УРы,
Слышим – цель поражена,
/Нет войны, а тут война/.

В крейсерский вошли режим,
Мы с посадкой не спешим,
Запросили зону «три»,
Открутили всё внутри.
Пилотаж над водной гладью,
Вася, ас Георгиади!
Курс на точку дали нам,
Да, пора и по домам.

Сделали заход и сели,
Полет на час, а всё успели,
Техник ждет у капонира,
Зарулил наш «Голубь мира»!

15.02.2015 г.

В.А. Старчукову —
Да, мы летали и служили

* * *

Да! мы летали и служили,
Где океаны и моря.
Мы это помним, не забыли,
Ведь годы те забыть нельзя.

Нас ветры мощные качали,
Под звуки воющих турбин.
Мы до таких широт летали,
Где ничего нет, кроме льдин.

Мы в тех краях благ не искали,
Лишь дело делали, как все.
Вокруг сиянья полыхали,
Нас освещая в корабле.

Мы много в небе повидали,
В просторе том полно чудес.
Как будто в сказке побывали,
А отлетав, сошли с небес.

И Боги редко нас жалели,
Вступать — безумство, с ними в спор.
Там в беспощадной колыбели,
Нет ни стоянок, ни опор.

Нет! Чтобы нам не говорили,
Зачем стремились в вышину?
Мы не в пустую, жизнь прожили,
И может, даже, не одну.

2005 г.

Песня о Морской авиации

Когда-то ты сияла,
Когда-то ты блистала,
В парадах красовались знамена и клинки.
И проходили строем,
Всегда готовы к бою,
Крылатые дивизии, гвардейские полки.

МОРСКАЯ АВИАЦИЯ – УРА!
Мы завтра будем крепче, чем вчера.
Да здравствуют морские летуны!
ОПОРА, ЩИТ и СЛАВА для страны.

В боях сильнее стала,
Ты славно защищала,
На дальних рубежах отчизну от врага.
И в дождь и в зной и в стужу,
Ты попевала всюду,
И не могли остановить тебя ни ветры, ни пурга.

МОРСКАЯ АВИАЦИЯ – УРА!
Мы завтра будем крепче, чем вчера.
Да здравствуют морские летуны!
ОПОРА, ЩИТ и СЛАВА для страны.

В морях и океанах,
Нас помнят в дальних странах,
Где мы оберегали покой и мир земли.
Как палубы дрожали,
Когда мы с них взлетали,
Как с завистью смотрели на наши корабли.

МОРСКАЯ АВИАЦИЯ – УРА!
Мы завтра будем крепче, чем вчера.
Да здравствуют морские летуны
ОПОРА, ЩИТ и СЛАВА для страны.

Подпойте ветераны,
Ну что ж, что ноют раны,
Вы видите – традициям и чести Мы верны.
И с нынешнего строя,
На Вас глядят Герои,
А значит, защищают Вас, отличные сыны!

МОРСКАЯ АВИАЦИЯ – УРА!
Мы завтра будем крепче, чем вчера.
Да здравствуют морские летуны!
ОПОРА, ЩИТ и СЛАВА для страны.

2001 г.

Часовые пояса

Часовые пояса, множество долгот,
Перпендикулярные,
к линиям широт.

Связанные бантиком, чтобы не сползли,
На макушке шарика,
матушки Земли.

Я меж ними шью узор, в небе ниткой белою,
Аккуратные в затыг,
узелочки делаю.

Самолёт мой, как игла, незаметным кажется,
За спиною у меня,
паутинка вяжется.

Берегу я ниточку, дабы не порвать,
Сложное ведь дело,
в небе вышивать.

Дороги сужены в конец

* * *

Дороги сужены в конец,
Нет твердой почвы под ногами.
И остра бритва — как венец,
Висит у нас над головами.

А мы все видим и молчим,
Рубцы на сердце — как траншеи.
Всё, что осталось — волочим,
Под нож подставив свои шеи.

1996 г.

Прощайте штаб!

* * *

I часть

Прощайте! штаб и кабинет,
Друзья, товарищи и не
Прощайте! Ком, Зам, Зам, Начбой,
И доктора, что за стеной.

Прощай! Начальник СБП,
Прощай! Герой — зам по БП.
Прощайте! Все кто на КП,
Прощай! Начальник ЦКП.

И вы наш штурман самый Главный,
Кукушкин, Калика и Дранный.
Билык и Котов и Орлов,
Кислинский, Крузе и Блинов.

Барютин и Герасименко,
И в «одиночке» — дед Шульженко.
Связь, инженеры и наш тыл,
И все, с которыми служил.

II часть

Прощай! Бетон и полоса,
Прощай! Ветра и небеса.
Прощай! Видавший славный ТУ,
И ты стремительный мой СУ.

Прощай! Полеты в СМУ и без,
Прощай! ЗШ, прощай комбез.
Прощай! АПА, ТЗ, бензин,
Горючка наша – керосин.

Прощай! Заправка, что с крыла,
Не помнит кто? Она была.
Прощайте! Море, океан,
Заходы в ливень и туман.

Прощайте! Вечные снега,
Мороз архангельский, пурга.
Что видеть в жизни довелось,
И что прочувствовать пришлось.

1999 г.

Боевой подготовке

* * *

Переговоры все зашли в тупик,
Главком, и тот не знает, что же делать.
Наш Главный штурман тоже как-то сник,
Когда узнал, что нужно переделать.

Там в Киеве мерещится подвох,
От встреч никчемных точно можно спиться.
На крайней я два литра выпить смог,
Но зря — не удалось договориться.

А если б нам тогда без суеты,
Не торопясь, размеренно, толково.
Не уложили б с краю у плиты,
Мы замполка Серегу Толмачева.

А так, итог трагичен, как всегда,
Гвардейским самолетам небо снится.
А летчики гадают — ну когда,
И сможем ли вообще договориться.

1998 г.

С юмором и грустью
(стихосложение по В.С. Высоцкому)

I часть

Дорогой вы наш издатель,
Пишем не из психпалаты.
Мы без подписи и даты,
На общественных правах.
Может вам как анонимка,
Вроде автор — невидимка.
А для нас стих как разминка,
Мысли бродят в головах.

Говорил — ломая руки,
Главный в штабе баламут.
В Средиземном море шуки,
Сами нагло в сети прут.

Мы поплывем, отловим крабов,
И заморских карасей,
Угостим ухой арабов,
Ихних жен и их детей.

Уважаемый редактор,
Это вам не лунный трактор,
Наш мощнее птеродактиль,
Ничего, что он один.

И мы готовы бросить кранцы,
Берегись американцы,
Мы покажем вам, засранцы,
Кто на море господин.

Мы кой в чем поднаторели,
У Кильдина целый год,
В Баренце всю рыбу съели,
Стал убыточным Тралфлот.

И что б не было потерей,
У родимых берегов,
Нас отправили скорее,
Где ни льдин и ни снегов.

Согласились без скандала,
Взять с собой трех генералов,
Но Москва еще прислала,
В штатском несколько людей.

Вместе будем, мол, скитаться,
Чем без дела там болтаться,
Ох, устали мы там, братцы,
В Главкоматах от идей».

И матросы, словно черти,
Долго грели пар котлов,
Как рванули – уж поверьте,
Мы под «сто» без парусов.

Наверху всех привязали,
Чтоб не сдуло на ходу,
Только нас тут и видали,
Глядь – и Англия к утру.

Тех, кто был малёк не стоек,
Прикрутили к спинкам коек,
Страшно им от недостроек,
Словом, горе — моряки.

Но сказал им прям с порога,
Самый Главный очень строго.
«Не тряситесь ради бога,
Разожмите кулаки».

Тыщи душ посменно воют,
Раскалились до бела,
Вот как сильно беспокоят,
Корабельные дела.

Будет каждому оценка,
Пресса, почести, банкет.
Тут вмешался врач Гриценко,
И сказал: «Полетам — нет!»

Наш посланец зол и мрачен,
Телеграммой озадачен.
Подал знак кому-то, значит,
Полетаем втихоря.

Но вмешался Тот, от флота,
«Мне садиться неохота.
«Да, не бойся, Вася, что ты,
Не узнают ни черта.

Ну, а завтра, спросят если,
Чем, мол, заняты с утра,
Мы ответим с Вами вместе,
Как велели доктора».

Главкомат поверит чадам,
Как проверишь всё равно,
Нарушенье сплошь и рядом,
И оно — разрешено.

II часть

Ошарашили, как громом,
Нас посадки за кордоном.
Все с вопросами к Главкомам,
Кто и как всё сотворил.

Но ответ, на грабли снова,
Наступили бестолково.
Ну, а ты, ведущий Вова,
Почему, так заводил?

Взволновал всех случай крайне,
Разбирались – шум и брань.
Многое осталось в тайне,
Как садились на Камрань.

Топливо не доистратив,
Горы были высоки.
Но, четверых невинных братьев,
Разорвало на куски.

А кто выжил в катаклизме,
Пребывают в пессимизме.
Все клялись в патриотизме,
Возле вырытых могил.

Вдовы плакали в платочки,
Прижимались к мамам дочки.
От отцов лишь бугорочки,
Вот и всё, что заслужил.

Кто виновен — тот наказан,
Правда, всё-таки не все.
Мест для них с лихвой в приказе,
Тяжкий камень на душе.

Да, прожить достойно трудно,
Прослужить ещё трудней.
Сделали, как было нужно,
Наверху. А им видней.

Далеко ещё до дачи,
На дворе погода плачет.
Ну, а наши неудачи,
Мы, даст бог, переживём.

Скоро ТАВКР вернётся к дому,
Орден Заму и Главкому.
Ну а мы – в киоск знакомый,
Что-нибудь себе возьмём.

За безумные идеи,
Не ругайте Русский флот.
Дайте денег нам скорее,
На второй такой поход.

С уважением. Рады очень,
Всей редакции привет.
Торопитесь, между прочим,
Написать для нас ответ.

1996 г.

Авторитетом Вас не напугаем

* * *

Авторитетом вас не напугаем,
Да и какой у нас авторитет.
Мы заучили, и мы четко знаем,
Лишь слово «есть» и фразу «никак нет».

Трудились кто умами, кто руками,
Встречались нам без рук и без ума.
Не дурней, называли дураками,
А дураков по жизни-----.

Не верь, что вор не может быть в погонах,
Нет может! Но в отличие от воров,
Они в пижамах спать ложатся в зонах,
В специальных тюрьмах — только для «бугров».

1997 г.

Никогда не пытайтесь

* * *

Никогда не пытайтесь — поверьте!
Взяв бокал, угадать дату смерти.
Пожелав — доживете до ста,
А он взял да и умер до сна.

1997 г.

К 75 летию Г.Л.И.Ц.

* * *

У величавых волжских берегов,
Где Мать-река России серебрится.
В 20-м основали для орлов
Гнездовище, заслуженного ГЛИЦа.

Работа в нём, довольно не проста,
Весь персонал отобран очень строго.
Летает здесь из нас один из ста,
И только те, как говорят, от бога.

С недавних пор мы с вами, как родня,
Гаком за трос цепляться очень тяжко,
Удачлив будешь, если у тебя,
Из-под комбеза выглянет тельняшка.

1995 г.

Пела по особенному вьюга

* * *

Пела по особенному вьюга,
И мороз трескучий был тогда.
Мы в девятый полк попали с другом,
На машины мощные Пе – 2.

Согревала нас теплом землянка,
Вырытая в Мурманской земле.
В двух шагах была моя стоянка,
Друга чуть поодаль, в стороне.

Воевали мы, как было надо,
Нанося удары по врагу.
Били по – сафоновски мы гадов,
Варварски напавших на страну.

Штурмовали вражеские базы,
Прикрывали с воздуха конвой.
Если он в атаке, я был сзади,
Если я, то друг был за спиной.

Удивлялись слётанности нашей,
И тому, как мы вели бои.
Нам везло, и думали мы с Сашей,
Что не сложим головы свои.

Вспоминали часто на досуге,
Мы родных и девушек своих.
Ну, нельзя нам гибнуть, вместе с другом,
Нам всего-то, сорок на двоих.

Жаль, что не дожили до Победы,
Друг — полгода, я — недели две.
Его сбили у посёлка Ревды,
Ну, а я сгорел на Кильдине.

2000 г.

Песня ветерана

* * *

Завтра день, Наш день календаря!
Кто поздравит первым, когда встану.
Завтра двадцать третье февраля!
Так пожмите ж руку ветерану.
 Завтра двадцать третье февраля!
 Так пожмите ж руку капитану.

Службе я всего себя отдал,
Нюют по ночам бывшие раны.
Родину, друзей не предавал,
Ну, пожмите ж руку капитану.
 Родину, друзей не предавал,
 Ну, пожмите ж руку ветерану.

Сколько мне пришлось исколесить,
Весь союз, досталось и Афгану.
Неужели нужно Вас просить,
Чтоб пожали руку ветерану.
 Неужели нужно Вас просить,
 Чтоб пожали руку капитану.

Головы мне не пришлось сложить,
Значит, я не скоро в вечность кану.
В жизни часто было «быть — не быть»
Жмите, жмите руку ветерану.
 В жизни часто было «быть — не быть»
 Жмите, жмите руку капитану.

Вас своим рассказом утомил,
Извините, разговорчив спьяну.
Вспоминать былое, нету сил,
Пожелайте ж счастья капитану.
 Вспоминать былое, нету сил,
 И здоровья тоже ветерану.

2000 г.

Песня о Лахте

Любимый наш далекий городок,
Где ели вековые и берёзы.
Где тротуаром был для нас мосток,
Где не росли жасмины и мимозы.

Лахта! Ты бывший мой желанный дом,
Лахта! Посадка, взлёт, аэродром.
Лахта! Не суждено обнять тебя,
Лахта! Судьба, любовь и жизнь моя.

Любимый наш далёкий городок,
Где синь озёр и реки полноводны.
Где каждый отслужил немалый срок,
Где были мы по-своему свободны.

Лахта! Ты бывший наш желанный дом,
Лахта! Посадка, взлёт, аэродром.
Лахта! Не суждено обняться нам,
Лахта! Мы разлетелись по домам.

Любимый наш далёкий городок,
Где нам казались, ночи очень длинны.
Где налетаться мы хотели впрок,
Где оглушали рёвом нас турбины.

Лахта! Ты бывший мой желанный дом,
Лахта! Посадка, взлёт, аэродром.
Лахта! Не суждено обнять тебя,
Лахта! Судьба, любовь и жизнь моя.

Любимый наш далёкий городок,
Где на плацу огонь и три героя.
Где север, а не запад и восток,
Где пять морей, а не хватало моря.

Лахта! Ты бывший наш желанный дом,
Лахта! Посадка, взлёт, аэродром.
Лахта! Не суждено обняться нам,
Лахта! Мы разлетелись по домам.

Любимый наш далёкий городок,
Где не росли жасмины и мимозы.
Где маленький берёзовый росток,
Скучая, по весне роняет слёзы.

Лахта! Ты бывший мой желанный дом,
Лахта! Посадка, взлёт, аэродром.
Лахта! Не суждено обнять тебя,
Лахта! Судьба, любовь и жизнь моя.

2005 г.

**В.В. Потапову –
Я выпускник лихих годов России**

* * *

Я выпускник лихих годов России,
Когда вопросы встали все ребром.
Лишь небо оставалось быть красивым,
Блестели самолеты серебром.

Нам тянущую тягу поменяли,
Сменив на реактивные струи.
Мы скорости огромные познали,
Подняв в высоты чудо-корабли.

И я летал, мудрея год от года,
Полк принял рано в возрасте Христа,
Доверие российского народа,
Я оправдал, надеюсь, до конца.

Ребром не раз вся наша жизнь вставала,
Но я достиг всех видимых высот.
И никогда, нигде не забываю,
Тот, мой далёкий – 53-й год.

2008 г.

**В.Г. Дейнеке –
Я в летной школе нужный взял разбег**

* * *

Я в лётной школе нужный взял разбег,
Протекция мне слово не знакомо.
Я в люди вышел на виду у всех
И путь прошел от «правака» до КОМ-а.

Мое бывшее чисто, как слеза,
Путь в жизни прям, как на равнине трасса.
Меня вскормила крымская лоза,
А сил шахтеры дали из Донбасса.

Свой кубок в службе я испил до дна,
И должности прошел все до упора.
Меня покрыла рано седина,
И сбились ритмы моего мотора.

Я оглянуться не боюсь назад,
Что прожил, не имело червоточин.
Мне не грозит недобрый чей-то взгляд,
Рукопожатье, сжатое не очень!

2007 г.

Н.И. Москвителю —
Мне с «Мессером» не привелось сразиться

Мне с «Мессером» не привелось сразиться,
И «Фоккера» я не зажёл в бою,
Я опоздал во времени родиться,
Чтоб захватить ушедшую войну.

Мне не пришлось с отчаянием драться
В составе группы, парой, одному,
В строй «Юнкерсов» и «Хейнкелей» врываться
И бить винтом по вражьюму крылу.

Мне не пришлось при возвращеньи ночью,
В кромешной тьме садиться на поля.
В «свободную охоту» одиночно,
Летать зимой в студёные моря.

Мне не пришлось разить врага в полёте
И со ста метров бить наверняка,
И на моём трудяге — самолёте
Не рисовали звёзды на бока.

Мне не досталось той горячей жизни
И в ней себя на прочность испытать,
И с асом, что звездой отмечен трижды,
Мне не случилось вместе полетать.

Но я общался с ними и гордился!
Что признан и стоял в одном строю.
Жалел, что с опозданием родился,
И не летал в прошедшую войну.

2008 г.

**В.Г. Царькову —
Тот день мне помнится особо**

* * *

Тот день мне помнится особо,
Всё было буднично, но вот,
Что не взлетим, поняли оба,
И даже он — наш самолёт.

Наш спарка — МиГ, и мы — в кабине,
Мозгами осознав исход,
Бетон, вторая половина,
И ясно, он не отойдёт.

Машину жалко, прыгать надо,
И тут он понял, верный МиГ.
Что в креслах наших два заряда,
Ему нет шансов никаких.

Обводкой ноги мне прижало,
Дефлектор, сомкнуты ремни,
Под креслом что-то зашуршало,
Сошли с кабины фонари.

Гул, перегрузка, запах гари,
И тело будто не моё.
Вживую кожу мне сдирали,
А может лез я из неё?

Рёв стих, глаза мои открылись,
Завис в мгновении и тут:
Ремни в замке разъединились,
Освободив меня от пут.

Земля зловеще приближалась,
В ушах стоял набатный звон,
А тело напряглось и сжалось,
Но вот рывок, хлопок – спасён!

Мы приземлились, травмы были,
Мой позвоночник пострадал.
Меня на «Скорой» увозили,
А МиГ в овраге догорал.

2008 г.

И.В. Касатонову – Корабли, корабли

* * *

Корабли,
Корабли,
Корабли,
Корабли,
Вот и Вы без меня в океаны ушли.
Встали годы меж нами высокой волной,
И уже без меня вьётся след за кормой.

И плачут чайки и альбатросы,
Грустит команда – мои матросы.
Прощайте вахты, компас, штурвал,
Прощайте море, шторма, аврал.

Корабли,
Корабли,
Корабли,
Корабли,
Семь Вам футов под киль в океанской дали.
Все тайфуны минуют, пройдут стороной,
Возвращайтесь скорее, ждёт Вас берег родной.

И кружат чайки и альбатросы,
Прощай команда – мои матросы.
Прощайте вахты, компас, штурвал,
Прощайте море, шторма, аврал.

Корабли,
 Корабли,
 Корабли,
 Корабли,
На ветрах в океанах осушите цепи свои.
Корпуса, якоря Вам промоет солёной водой,
И твои экипажи покроет загар золотой.

 И кружат чайки и альбатросы,
 Прощай команда — мои матросы.
 Прощайте вахты, компас, штурвал,
 Прощайте море, шторма, аврал.
Корабли,
 Корабли,
 Корабли,
 Корабли,
Вас в походы ведут уже дети мои.
Всех когда-то отец мой увлёл за собой,
Океаны, моря стали нашей судьбой.

 И кружат чайки и альбатросы,
 Прощай команда — мои матросы.
 Прощайте вахты, компас, штурвал,
 Прощайте море, шторма, аврал.

Корабли,
Корабли,
Корабли,
Корабли,

Капитаны достойные Вас повели.
Встали годы меж нами высокой волной,
И уже без меня тает след за кормой.

Отплачут чайки и альбатросы,
И просветлеют – мои матросы.
И снова вахты, шторма, аврал,
Я вечно с Вами – Ваш адмирал!

2008 г.

**А.М. Мелконяну —
Жизнь — случайность изначально**

* * *

Жизнь — случайность изначально,
Хороша! Но всё ж печально.
Как вода текут года,
Безвозвратно — навсегда.

А когда-то на просторе,
В небе плыл, как лодка в море.
Там я видел чудеса,
Что дарили небеса.

Облетел все океаны,
Залетал в чужие страны.
Много видел с корабля —
— Многолика Мать — Земля.

Тяга выставлена ровно,
Сутки в воздухе свободно.
Величавый с виду он,
Самолёт мой — двести тонн.

И кидало и носило,
В бездне той — подъёмной силой.
Покорялись трассы нам,
Куба, Полюс и Вьетнам.

Где Вы годы молодые,
Голова, виски седые.
И штурвальные мозоли,
Все сошли с моей ладони.

След на небе, замечая,
На него смотрю, скучая.
Так и хочется опять,
Ввысь подняться, полетать.

А когда — то: Эй, пацан?
Ты что ль будешь Мелконян.
Залезай давай в У-2,
Небо ждёт тебя — пора.

Холодок за воротник,
Зябко утром — не привык.
Воздух свежий от винта,
Сверху, снизу — красота.

Без вина, а будто пьян,
— Заходи на иммельман!
Прокричит вдруг за спиной,
Мой инструктор, что за мной.

В тех годах летали много,
С дисциплиной было строго.
Китель, бриджи, синий кант,
ВВС – овский курсант!

Небо, как родимый дом,
Служба лётная потом.
И в петлицах якоря,
Под крылом одни моря.

Всё прошло и улетело,
Отсвистело, отгудело.
Ну, а мне уж «7и7»,
Что зашли – спасибо Всем!

Жизнь – случайность изначально,
В ней не так уж всё печально.
Ну, а что летят года,
Было, будет так всегда.

2008 г.

**А.М. Мелконяну —
Поедем друг на праздник погуляем**

* * *

Поедем друг на праздник, погуляем,
Ведь скоро мы туда не попадём,
С друзьями о полетах поболтаем,
Пока на этом свете мы живём.

На метро проедем с вами — прямо,
По зелёной ветке до «Динамо».
А там пешком обратной стороной,
Пройти чуть-чуть, и мы на Скаковой.

Мы там с тобой все новости узнаем
Чего достигли, как идут дела,
В каких морях сегодня мы летаем
И кто поставлен главным у руля.

На метро проедем с вами — прямо,
По зелёной ветке до «Динамо».
А там пешком обратной стороной,
Пройти чуть-чуть, и мы на Скаковой.

Товарищей, друзей, повспоминаем,
Да, было время, и была пора!
Мы до сих пор во снах туда летаем
И носимся в том небе до утра.

На метро проедем с вами — прямо,
По зелёной ветке до «Динамо».
А там пешком обратной стороной,
Пройти чуть-чуть, и мы на Скаковой.

Поедем друг на праздник, погуляем,
Давно не посещали мы наш дом,
Поговорим за рюмкой, полетаем
И может быть немножечко споём.

На метро проедем с вами — прямо,
По зелёной ветке до «Динамо».
А там пешком обратной стороной,
Пройти чуть-чуть, и мы на Скаковой.

2008 г.

М.Ф. Кукушкину — Небосклон Афгана

* * *

Небосклон Афгана,
Горы Кандагара,
Знойным солнцем выжжена земля.
Колет пыль иглою,
Мгла над головою,
Ты — ведущий, а ведомый я.

Мигом в самолете,
Старт — и мы в полет,
В курс расчетный входим с виража.
Вылет энный в сутки,
Отдыха минутки,
Плавится бетон от форсажа.

«Марочка» в прицеле,
Уже близко к цели,
Вот и, наконец — рубеж огня.
И полетели бомбы,
К «духам» в катакомбы,
Приказ не мой — вините не меня.

Цели все разбиты,
Целы мы — не сбиты,
Рёвом будим горный перевал.
Кровь в висках стучится,
Хочется забыться,
Завидуем вам — кто не воевал.

С фото над кроватью,
С грустью, виновато,
Друг погибший смотрит на меня.
Видел, как уткнулся,
Звал – не обернулся,
От удара вздрогнула земля.

Небосклон Афгана,
Горы Кандагара,
Снятся мне, который год подряд.
Снова я взлетаю,
Но куда – не знаю,
В каждом сне – один и без ребят.

1998 г.

М.Ф. Кукушкину — Небо, как решето

* * *

Небо — как решето,
Я не вру. Без обмана.
А поверит мне — кто,
Видел цели Афгана.
Кто сюда залетал,
Будто в жерло вулкана,
Кто себя испытал,
Не забудет Афгана.

Горы слева и справа,
И по курсу скала.
Кто летал здесь — тем слава!
За такие дела.

Ах, ты пуля шальная,
Жаль, не слышу твой свист.
Я со смертью играю,
Как заправский артист.
Ближе в парах, ребята,
Входим в зону огня,
Так ведь сбить трудновато,
И тебя и меня.

Горы слева и справа,
И на вывод скала.
Духи лупят исправно,
Вот какие дела.

Тяжела бровь от пота,
Цель сейчас обрамлю.
Внизу мечется кто-то,
Чуя гибель свою.
Вздроснул борт самолёта,
Бомбы к цели ушли.
До чего ж, неохота,
Портить лико Земли.

Горы слева и справа,
И чернеет скала.
ДШК бьёт исправно,
Вот какие дела.

Потянул я на вывод,
С перегрузкою «пять».
Посмотрели бы, вы вот,
Как хребты те стоят.
Отдохнули с ведомым,
Пока шли до «восьми».
И по цели знакомой,
С пушек врезали мы.

Горы слева и справа,
В трёхстах метрах скала.
Пот с лица, как отравы,
Вот какие дела.

Небо — как решето,
Что мне врать. Без обмана.
А поверит мне, кто,
Видел цели Афгана.
Кто сюда залетал,
Будто в жерло вулкана.
Даже кто отлетал,
Не забудет Афгана.

Горы слева и справа,
И по курсу скала.
Вот какая оправа,
В каждой цели была.

2001 г.

**А.П. Шульженко —
Семь десятилетий — это срок**

* * *

Всегда мы рады видеть Вас среди нас,
В рабочих буднях сложных, беспокойных.
Вы наш пример и в прошлом и сейчас,
Как жизнь прожить и как служить достойно.

Семь десятилетий — это срок,
Как далеко оно, мое начало.
Нельзя нажиться человеку впрок,
Сколь не живи — всё, почему-то, мало.

В меня вместились несколько эпох,
Был очевидцем прошлых поколений.
Я отслужить Отчизне честно смог,
И наш Союз не прогибал колени.

Я ясно помню вихри той войны,
И плачущую маму у калитки.
И пятилетки той большой страны,
В них ДнепрогЭС, каналы и Магнитку.

Совсем не просто в жизни выбрать путь,
Нам всем хотелось дрейфовать на льдинах.
На землю нашу с космоса взглянуть,
И роль героев проиграть в картинах.

Сейчас уже не вспомню тот толчок,
В душе моей. Я к небу пристрастился.
Пришла пора, отец сказал: «Сынок,
Иди к мечте, к которой так стремился».

Курсант, полеты, вечер выпускной,
На вечерах по-прежнему робели.
И первые прогулки под луной,
Под звуки нежных соловьиных трелей.

Но вот конец учебе — дан приказ,
Мы заждались его, орлино племя!
Я помню то волнение, как сейчас,
Хотя прошло значительное время.

Я сорок лет штурвал не выпускал,
Я в небе видел, сказочные дали.
Они меня манили — я взлетал,
И для меня они родными стали.

В просторы мы врезались на поршнях,
Потом бетон мы плавил форсажем.
Движки располагались на киях,
У тех машин. О них еще расскажем.

И, к слову, — человек рожден ходить,
Поднявшись в небо — думай головою.
Тогда ты в небе долго будешь жить,
И не случится ничего с тобою.

Как много их, забыв на миг про разум,
А может в частном случае — правы.
Они пытались сделать что-то, скажем,
Эх, было бы побольше синевы!

Скорбели мы, ушедших поминали,
Тех и других — отчаянных и нет.
Жизнь продолжалась, мы опять взлетали,
В просторы неба по утру, «чуть свет».

Я так любил поглаживать дюраль,
Я чувствовал машинный запах пота.
Свой самолет всегда мне было жаль,
Когда включал я форсажи для взлета.

Сливались мы воедино вместе с ней,
Сердца, моторы бились в унисоне.
Я разрешал ей звать себя «Андрей»,
С почтением был и я к её персоне.

И после службы я опять в строю,
Я продолжаю начатое дело.
Свой опыт и умение отдаю,
Всего себя, ведь так душа хотела.

В верхах сегодня кризис на умы,
Устали мыслить или неохота.
Но верю я – мы вырвемся из тьмы,
И будут нам «зелёные» для взлета.

Всегда мы рады видеть Вас среди нас,
В рабочих буднях, сложных, беспокойных,
Где пятый год идёт борьба за власть,
И всё никак не выберут достойных.

1995 г.

**А.В. Тихомирову —
Война закончилась, и всё вернулось к миру**

* * *

Война закончилась, и все вернулось к миру,
Остыли слезы миллионов вдов.
В ту пору и родился Тихомиров,
В семье вернувшихся фронтовиков.

Отец и мать сыночку были рады,
Рождён мужчина — ценность для страны.
Он был для них как высшая награда,
За ту любовь в последний год войны.

Во рвах ржавели мины и снаряды,
Вернулось в рощи пенье соловья.
И вот уже возглавили парады,
Ушедшие из дома сыновья.

В строю там был и паренёк с аула,
Он тоже стяг с натруженных рук взял.
И путь свой до Москвы от стен Джамбула,
Тот первенец их гордо прошагал.

И в этот день, когда ему полвека,
Давайте вспомним и без лишних слов.
Мы ту любовь простого человека,
Вернувшихся с войны фронтовиков.

1995 г.

**А.В. Тихомирову —
Какие ветры вас влекут, не знаю**

* * *

Какие ветры вас влекут, не знаю,
Собраться вдруг в неблизкие края.
Наверно, что-то я не понимаю,
Да и все мы, не только один я.

Мы, правда, головы от дум не поломали,
Нет мыслей и, выходит, нет и дум.
Мы с грустью командира провожали,
А он все взвесил — он не наобум.

Там вдалеке живут и хорошеют,
Там зелено, земля вся под плющом.
Там рыбы от неловкости краснеют,
К нам попадая в руки нагишом.

Пройдут года и Вы вернетесь снова,
И как-то на досуге, вечерком.
Возьмем мы две бутылки пол-литровых,
И вспомним о далеком крае том.

1997 г.

**С.А. Сергееву –
Всегда спокоен и тактичен**

* * *

Всегда спокоен и тактичен,
В делах настойчив и практичен.
Хандры, усталости не знает,
Везде и всюду поспекает.

Тревожат только лишь заботы,
Настрой и слаженность работы.
Чтоб Фирма наша процветала,
И то, что делаем – ЛЕТАЛО!

2008 г.

**С.Ю. Орлову —
Товарищ мой, Орлов Серёга**

* * *

Товарищ мой Орлов Серега!
С рожденья «ас», а то от бога,
Он в небо может хоть на чем,
Сверхзвук, нагрузки — нипочем.
Он смел, решителен, суров,
Товарищ мой Сергей Орлов!

Товарищ мой Орлов Серега!
Всегда в заботах, смотрит строго,
Горит, страдая за дела,
Ну, чтоб всегда работа шла.
Да и в полетах он таков,
Товарищ мой Сергей Орлов!

Товарищ мой Орлов Серега!
Когда и выпьет, то немного,
На службе – так ни грамма в рот,
И дома лишь на Новый год,
Иль под уху, обмыв улов,
Такой товарищ мой Орлов!

Товарищ мой Орлов Серега!
Из двух в одну сошлась дорога,
Обидно – раньше, что не знал,
На «запасных» не повстречал.
Теперь – друзья. Ну, будь здоров,
Товарищ мой Сергей Орлов!

1998 г.

**В.П. Жукову –
Зачем нам всем, семь пядей в головах**

* * *

Зачем нам всем семь пядей в головах,
И морщить лбы зачем, ну чего ради?
Зачем нам ложь в оброненных словах,
Сказанных кем-то – без единой пяди.

Мы в пустоту, пустое говорим,
Изобразив поддельную тревогу.
Мы веру, правду, честь уже не чтим,
И даже не шагаем вместе «в ногу».

Мы говорим, встречаясь о больном,
Разубеждаясь, соглашаясь снова.
Жизнь без войны – но будто под огнем,
Проходит без идей и бестолково.

1998 г.

В.С. Радостеву – Я не думал, не гадал

* * *

Я не думал, не гадал,
 Что скоро так.
Ведь недавно только был
 Четвертак.
Помню, будто бы вчера,
 Встреча та,
А сегодня на тебе,
 Уж полста.
Да не верю в это я,
 Что за блажь.
Кто сказал, что не взлечу,
 Что шабаш?
Как же, небо рядом ведь,
 Вот оно.
Неужели не взлететь
 Суждено.
Не потрогать мне плиты,
 Полосы.
Не взлохматить на ветру
 Волосы.
Где простор, где суета?
 Все ушло.
Видно, точно мне полста –
 Все прошло.

1995 г.

**Б.А. Ручкину —
Я кресла в МИГАХ выседел до блеска**

* * *

Я кресла в МИГах высидел до блеска,
Корневищем собственных мозгов.
В них нагрузки создавал до треска,
И до боли шейных позвонков.

Мне пятьдесят,
А год за два!
Выходит сто!?
Вот это да!!!

Я в воздухе не знал границ предела,
Ни в перегрузках, скорости, углах.
Машина от натуги вся хрипела,
А я тянул до чертиков в глазах.

Мне пятьдесят,
А год за два!
И в сумме сто!
Вот это да!!!

Скафандром сжатый, замкнутый ремнями,
Сам шел к тому, никто не виноват.
На скоростях со многими нулями,
Я выполнял высотный перехват.

Мне пятьдесят,
А год за два!
Так значит сто?
Вот это да!!!

Я не жалею прожитых полвека,
Одно лишь жаль — уже не на крыле.
Не знаю, дотяну ли я до века?
Без неба, в скучной жизни на земле.

Мне пятьдесят,
А год за два!
Уж прожил сто!
Вот это да!!!

Другие тоже пробуют до блеска,
Я верю, хватит нервов и мозгов.
До мастерства нельзя дойти без треска,
Как и без боли шейных позвонков.

Мне пятьдесят,
А год за два!
Чего считать?
Как дважды два.

1997 г.

**В.Ю. Калике —
Я ушёл со школьного двора**

* * *

Я ушел со школьного двора,
Прямым в училище пилотов.
Нравился мне самолет АН-2,
Но оказался в кресле вертолета.

Да я не огорчен и даже рад,
По молодости, видимо, каприз.
Да мало ли, что дуют все назад,
А я струю отбрасываю вниз.

Неудобств, их много в нашем деле,
С ними, как и все, веду борьбу.
Хорошо, конечно, винт на шее,
Но и неплохо, если на горбу.

Взять, к примеру, МИГ и ту же Сушку,
Взлет у них не прост, не с кондачка,
А меня соосная вертушка,
В небо поднимает с пяточка.

1998 г.

**Т.А. Апакидзе, И.И. Бохонко —
Работа, как у снайперов моя**

* * *

Работа как у снайперов моя,
С задачей как у них — не промахнуться.
Моя мишень на теле корабля,
В кресте я должен палубы коснуться.

Как магнитом манит полоса,
Там на ней, натянуты троса.
С корабля молчат — хороший знак,
Значит, куда надо ляжет гак.

А раньше я прицеливался взглядом,
Через перекрестье на стекле.
В первый раз садиться и не надо,
Важно точно выйти по «Луне».

Словно капля в море полоса,
Поперёк натянуты троса.
Правда, сам бываю суеверен,
Но в посадке будущей уверен.

От напряженья взмокла вся спина,
Как ювелир точу свою глассаду.
На корабле уж заждались меня.
Не торопите! Непременно сяду.

Как магнитом манит полоса,
Там на ней натянуты троса.
Дифференты, крены – все в ТУ,
Всё готово для приёма «СУ».

Теперь, когда посадка позади,
Я в нужном месте палубы коснулся.
А в тех моих, что будут впереди,
Желайте мне, чтоб я не промахнулся.

Словно капля в море полоса,
Поперёк натянуты троса.
Там опять молчат – хороший знак,
Значит, куда надо ляжет гак.

Моя работа очень не проста,
Отобран был инстанциями строго.
Мне говорили – ты один из ста,
С задатками по меткости от бога.

Как магнитом манит полоса,
Там на ней натянуты троса.
Я спокоен в чреве самолета,
Набегаю на трамплин для взлета.

1997 г.

Памяти Тимура Апакидзе

* * *

Мы, увидев, ахнули с досады,
Непонятно, как и почему,
Празднику с утра все были рады,
А теперь все это ни к чему.

Что случилось, как всегда все то же,
В Актах все опишут знатоки.
Расшифруют, выстроят и сложат,
И на память свяжут узелки.

Он бы мог и прыгнуть, счел — не надо,
А может, и хотел, но не дождал.
Было б все иначе, вне парада,
А что случилось — нам бы рассказал.

Не судите люди меня строго,
Жарко мне от солнца и турбин.
На земле вас было очень много,
Ну а я в кабине был один.

Правда то, что рвется там, где узко,
Но я рискнул — без риска жить нельзя.
Слишком долго жала перегрузка,
Все сознание, выдавив с меня.

Кровь в виски вернулась и забила,
Подключайтесь клеточки в мозгу.
Сотни раз со мной такое было,
А тут я шевельнуться не могу.

Что за черт, все мышцы онемели,
Скоро поздно — ручку на тангаж.
Прыгай, вывод — с вышки проревели,
А здесь неуправляемый вираж.

Сыплюсь вниз, секунды жить осталось,
Жаль живым к вам больше не приду.
И меня с полетов не дождались,
И конечно жаль, что на виду.

2003 г.

**В.А. Батракову –
Мы с железа – крепкие ребята**

* * *

Мы с железа – крепкие ребята,
Жизни в нас – не считано горстей.
Из земли растём мы в три обхвата,
Полста лет, ну разве это дата,
Прожил триста лет же Моисей.

Так, берём равенье на пророка,
Триста лет – и меньше не моги.
Тут всего-то пять сроков до срока,
Всё равно, что в школе шесть уроков,
Саныч, ты, смотри, не подведи.

P.S.: Правда, жить тогда, не то, что ныне,
Они ели, пили без нитрат.
Медовуху, арбузы и дыни,
Ну, а что мы купим в магазине?
Чтоб, до ихних, дотянуть до дат.

С отдыхом порой — и то накладка,
Их пример — для нас упаси бог.
С раннего утра — подъём, зарядка,
После службы до упаду — грядка,
И в постель скорей без задних ног.

Всё на нервах, милые ребята,
Гнёмся в землю, словно без костей.
Не спасёт ни должность, ни зарплата,
Он у нас не дожил бы до даты,
До такой, тот древней Моисей.

Ты ж, Володя, времени какого!
Мы их всех переживём — и знай,
У нас всё для этого готово,
Хоть живём мы часом бестолково,
В общем, триста лет не помирай.

1997 г.

**В.Д. Чайникову —
В головах полно проблем**

* * *

В головах полно проблем,
Разные течения.
Мы обсудим много тем,
В день твоего рождения.

В перерывах и во вне,
В твою честь все прения.
Вспомним мы и о войне,
В день твоего рождения.

Эта тема номер — раз,
В эти дни Крещения.
Смерть пирует там сейчас,
В день твоего рождения.

Позабыли о любви,
Злоба жжёт селения.
Второй год народ в крови,
В день твоего рождения.

А созвать бы всех за стол,
Закатить веселье.
Будь чечен, абхаз, монгол
Гост — за день рождения!

Дочка, мать, сестра, жена —
Мигом угощение!
Пей, заблудшая страна!
За Витино рождение.

1996 г.

**И.П. Сурнину —
Давайте вспомним мы полёты ваши**

Нам иногда казалось — мы из стали,
Нас воронила в воздухе судьба.

* * *

Давайте вспомним мы полёты наши,
И Вашу жизнь лет двадцать пять назад.
Каким Вы были смелым и бесстрашным,
Простите, — Вы такой же и сейчас.

Досталась вам в те годы груза тонна,
На жизни три хватило бы с лихвой.
Всего: и керосина и бетона,
И снега тоже, вдоволь, с головой.

А сколько было неба и простора!
Немыслимых порой воздушных трасс!
А МОРЯ! Сколько в жизни было МОРЯ!
Что до сих пор оно волнует Вас.

Вы вылетали в снег, туман и грозы,
Любой погоде был по-детски рад.
Вас не сломили лютые морозы,

Метели Мурманана, что сутками подряд.

Вам это еще долго будет сниться,
Одно лишь жаль, не вещей сон уже.
Не суждено взлетать и не садиться,
Не ощутить пу в вираже.

/ Во снах ещё летать не запретили,
И Вам и нам — отдушина пока.
Эх, где бы взять недостающей силы,
Что б наяву взлететь за облака./

Так с юбилеем! Пожеланье к дате,
Ваш возраст ныне — это не предел!
Здоровьем в жизни были бы богаты,
И чтоб подольше — у любимых дел.

1996 г.

**Н.Г. Макатрову —
Вот и всё! Остался как итог**

* * *

Вот и все! Остался как итог,
Просчитать всю жизнь в часах налета.
В ней, чему научен, — сделать смог,
Я для вас — в кабине самолета.

Был готов летать хоть на метле,
/Видел я в какой-то передаче./
А свои зигзаги на земле,
Выправлял я в воздухе удачей.

Вот и всё! Я сел и зарулил,
Мне под ноги бросили колодки.
Аккуратный техник баки слил,
Спирт не слил — чтоб не было чахотки.

Я стремился, большего познать,
К руководству развивал зачатки.
Может, кто шепнул кому — как знать,
Может, где оставил отпечатки.

Ничего, обид я не таю,
Говорю открыто – ныне гласность.
Жизненную опытность мою,
Оценила служба – Б Е З О П А С Н О С Т Ь.

Вот и всё! Живой и неживой,
Я поставлен соплами к востоку.
Ну, какой, к чертям ещё покой,
Я хочу туда, назад – к истоку.

Я с утра до вечера пишу,
В голове сплошные инциденты.
Компромат я быстро нахожу,
И в приказ, готовьте документы.

Приказная – я жалею вас,
Снятых и уволенных до срока.
Раз, и невиновные в запас,
Зуб за зуб, и даже ок за око.

Спины гнулись, весело треща,
От натуги рьяных и упорных.
За собой бездарности таща,
Размещая их в местах укромных.

Судьбы, искалеченные нами,
И от непосильных должностей.
Хорошо им было за плечами,
У своих толкателей вождей.

Вот и всё! Румянец мой с лица,
Как окраску смоем с самолёта.
Поржавею где-то у торца,
Закопайте старого пилота.

Наши души в помощь вам всегда!
Человечий дух и самолёта.
Мы остались в небе навсегда,
Даже после крайнего полёта!

1997 г.

**Н.П. Едушу –
Петрович, наши ЯКИ проржавели!**

* * *

Петрович, наши Яки проржавели,
А корабли разобраны на лом.
О вертикальных лётчиках отпели,
Но вспомним мы былое и споём.

Как мы летали, с палубы взлетали,
Дрожал корабль от наших форсажей.
Как нас в портах приветливо встречали,
Как самых лучших преданных друзей.

Петрович, будто рядом все ребята,
Погибшие – и те пришли домой.
Ты вспомни, как мы пели на закате,
Под шелест белой пены за кормой.

Как мы летали, с палубы взлетали,
Дрожал корабль от наших форсажей.
Как нас подруги с пирсов провожали,
И как встречали с плаванья мужей.

Петрович, честь и слава не забыта,
И отданная небу жизнь — не зря!
Килями Средиземка вся изрыта,
Во всех портах бросали якоря.

Как мы летали, с палубы взлетали,
Дрожал корабль от наших форсажей.
Как часто на досуге мы мечтали,
Доплыть до самых дальних рубежей.

Петрович, наливай за наши Яки,
За списанные выпьем корабли,
За будущие чьи-нибудь атаки,
И, разумеется, конечно, за твои.

Как мы летали, с палубы взлетали,
Дрожал корабль от наших форсажей.
Как нас в портах приветливо встречали,
Как самых лучших преданных друзей.

1996 г.

Н.П. Едуш — Конечно поздравляем

* * *

Конечно, поздравляем и желаем всё и вся!
Спасибо, что созвал на угощенье.
Жизнь только начинается, — подумаешь «полста».
И это факт, Петрович, без сомненья.

Мы каждый юбилейный год с волнениями ждем,
Оценивая то, что уж прожили.
А этот срок особенный, к которому идем:
Отслежен он — чтоб мы не позабыли.

Чиновник в кадрах к дате этой просмотрел глаза,
У командиров тоже всё готово.
И вот, как по команде, вдруг зажали тормоза,
Что всё понятно стало с полуслова.

Мы ленточки на финишах не мощной грудью рвём,
Черта, а за чертою будто мины.
Вот так и на дистанциях: боялись, что сойдём,
Садясь на искалеченной машине.

Отдушина до «выписки», ЦВНИАГ и отпуска,
Путь, не взирая на чины и ранги.
Не важно, смотришь снизу ты, иль смотришь свысока,
Не важно, с середины или с фланга.

Мы все стоим у рубежа, таких же личных дат.
Прошли до них не солнечными днями.
Летая, не просили мы ни званий, ни наград,
Надеемся, что лучше нас — за нами.

1996 г.

**М.В. Ковалёву —
Что пожелать тебе дружище**

* * *

Что пожелать тебе, дружище!
Хоть на гражданке будь не нищим.
Чтоб без помех лилося в рот,
За ВВС, да и за флот.

Что пожелать тебе, дружище!
В карманах чтоб водились тыщи.
Чтоб не звенели медяки,
И не встречались дураки.

Что пожелать тебе, дружище!
Чтоб дома было глаже, чище.
Встречали чтоб — всегда любя,
Отслужишь — им отдай себя.

Что пожелать тебе, дружище!
Не ставить на кон на игрищах.
Надейся только на себя,
Не суетись почём не зря.

Что пожелать тебе, дружище!
Жаль, что друзей таких не сыщим.
И скоро ты, как я, один,
Не слушать вместе песнь турбин.

Что пожелать тебе, дружище!
Здоровья корпусом и днищем.
И снов приятных как полёт,
И «две зелёные» на взлёт.

1999 г.

**Ю.А. Тимченко —
Сегодня мне, приснился сон**

* * *

Сегодня мне приснился сон,
О славных днях былых времён.
Тогда на все хватало сил,
Я даже днем среди звёзд парил.

Ах, сколько лет и сколько зим,
Прошло с тех пор, прошло с тех пор.
На время жизнь притормозим,
И я начну свой разговор.

Сегодня мне приснился сон,
Мой МИГ и чистый небосклон.
И я с громадной высоты,
Вновь видел, дали и мечты.

Ах, сколько лет и сколько зим,
Прошло с тех пор, прошло с тех пор.
Давай-ка, жизнь, притормозим,
Мой не окончен разговор.

Сегодня мне приснился сон,
Ну надо! Всё ж вернулся он.
Мы пили спирт, снимая стресс,
Он сел во сне, но не воскрес.

Ах, сколько лет и сколько зим,
Прошло с тех пор, прошло с тех пор.
Ну, что ты, жизнь, притормозим?
Ещё не кончен разговор.

Сегодня мне приснился сон,
Я снова молод и силён.
Мне — двадцать пять и у меня,
Собрались старые друзья.

Ах, сколько лет и сколько зим,
Прошло с тех пор, прошло с тех пор.
Немного жизнь притормозим,
А я продолжу разговор.

Сегодня мне приснился сон,
Я будто вновь в тебя влюблён,
Как хорошо, что мы нашли,
С тобой друг друга, Натали.

Ах, сколько лет и сколько зим,
Прошло с тех пор, прошло с тех пор.
Попросим жизнь: «Притормози!»
И мы продолжим разговор.

P.S. Сегодня мне приснился сон,
Накрытый стол на сто персон.
И яркий свет из всех окон,
И хрусталя веселый звон.

Ах, сколько лет и сколько зим,
Пройдёт с тех пор, пройдёт с тех пор.
Смелее, жизнь, не тормози,
Вот и закончен разговор.

1999 г.

**Ю.А. Тимченко —
Меня учил ты Юра не тому**

* * *

Меня учил ты, Юра, не тому,
Профессии, где свято — правда, ясность.
Учитель, ну ответь мне — ПОЧЕМУ?
Попрали все, и даже безопасность.

Я Вас не предал, честь не замарал,
Я не шептал на ухо в кабинете.
Я скрипкой первую в оркестре не сыграл,
И соло не исполнил на кларнете.

А мы, смотри, совсем уже не те,
И вывод по причинам вновь не точен.
Мы проиграли им по высоте,
А у земли болтаться нету мочи.

Оглохли, и не слышим стоны, крик,
Отчаянья — когда бывает поздно.
С досады что-то крикнул Боровик,
Взвыл окулист у МКАДа всенародно.

Как хочется нам всех их оправдать,
Но ПРАВДА — ЛЖИ не ровня, уж поверьте.
Другие не заставят долго ждать,
Молчанье наше, подтолкнет их к смерти.

2001 г.

**В.А. Крузе –
Что ж тебе Валера надо**

I часть

Что ж тебе, Валера, надо?
Наша гордость и отрада.
Аль обидел кто из тех?
Аль летал ты меньше всех?

Ты один у нас пилот,
Кто давал такой налет.
В Острове два аппарата,
И друзей пол – Главкомата.

С топливом проблем не знаешь,
Надо им и ты взлетаешь.
Ну и взад, где ниже каста,
Мы садимся для балласта,

Чтоб сказанное потом,
В чистый лист внесли пером.

Правда, будущего нету,
Скоро ты в свою карету,
То бишь Тушку – самолет,

Враз посадишь целый флот.
Вот стоит перед народом,
Наш Валера — «чуждый» родом.
Но любимый всеми нами,
Океанами, морями...

Была бы жизнь не бестолкова,
На вакансию — Смирнова
Мы б позвали Сашу к нам,
Но он (уехал) — по делам.

II часть

МЧС-е жизнь, как в Сочи,
Хочешь ты, или не хочешь.
Но как в сказке дед Мазай,
Только знай себе, спасай.

Там потрянуло, там цунами,
Непонятно, что с горами.
В Турции землетрясение,
А в Европе наводнение.

Тут еще и исламисты,
Все взрывают террористы.
От Тянь-Шань до Пиренеев,

Нету жизни для евреев.

А — обеспеченный народ,
В страхе тряся целый год.
То им башни посбивали,
То отраву присылали.

Не дай бог тому присниться,
Что у нас, что за границей.
Ждет тебя такой удел,
Лучше б ты у нас сидел!

Мы б тебе еще сверх плана,
Скажет КОМ — тут без обмана:
«Если сядет к нам ОНО —
Переучу на НЛО».

Сегодня мир, а завтра смута,
Будет трудная минута,
Всех погонят по домам,
Ты, Валера, сразу — к нам.

2003 г.

**Ч.И. Бондарчуку –
Не грустите, что старше и старше**

* * *

Не грустите, что старше и старше,
Не тоскуйте о прошлых годах.
И тогда и сейчас Вы на марше,
В самых первых почетных рядах.

В жизни сделано было не мало,
Начинали свой путь с целины.
Вас в вагонах промерзших качало,
На путях той громадной страны.

В письмах редких писали Вы брату,
Я теперь не «ТОВАРИЩ» а, «ГЕРР».
Отсылают меня к демократам,
Чтоб помог, чем могу – Г.Д.Р.

И своих, и чужих до упаду,
Вдалеке от родимых берез.
Вы лечили их сутками кряду,
Контролируя в теле наркоз.

А в минутах семейных, не частых,
Вы с супругой Любовью своей.
Материнство, отцовское счастье,

Испытали, взрастив сыновей.

Годы мчались, порой и тянулись,
Распускалась и жухла листва.
И однажды Вы все же вернулись,
Позвала Вас столица – МОСКВА.

Здесь в местечке обжитом, московском,
В старину лился сладостный звон.
И однажды указом петровским,
Повелел строить «гошпиталь» ОН.

В нем собрались светила науки,
Лечат, учат накладывать швы.
И у всех виртуозные руки,
Обладаете ими и ВЫ.

Годы этим рукам не помеха,
А в седой голове много дум.
Не печальтесь в свой день, больше смеха,
Пьем за Ваш нестареющий ум.

Не грустите, что старше и старше,
Не тоскуйте о прошлых годах.
И тогда и сейчас мы на марше,
В самых первых почетных рядах.

2003 г.

**А.Г. Артёмову —
Проводами спутана планета**

* * *

И на войне и без войны важна,
Нелёгкая профессия связиста.
Бывает, связь как воздух нам нужна,
Чтоб без помех — разборчиво и чисто.

Проводами спутана планета,
Полон звуков — напряжен эфир.
Очень часто в буднях служба эта,
Держит в напряжении весь мир.

Всё хорошо, когда всё хорошо,
И адресат находит адресата.
Но хочется чего-нибудь еще,
Для абонента выжать с аппарата.

Проводами спутана планета,
Полон звуков — напряжен эфир.
Вам за то, что дождались ответа,
Благодарен весь звонящий мир.

Открытия зависят от людей,
Их крохами проводят сквозь невзгоды.
Вы вспомните, как по «морю дождей»,
Прогуливались наши луноходы.

Проводами спутана планета,
Полон звуков – напряжен эфир.
Первый спутник вывела ракета,
И сигналам рукоплещет мир.

И мы сегодня чествуем связиста,
Свой, Саша, труд и ты вложил в успех.
Что прожил – всё разборчиво и чисто,
Желаем и в дальнейшем – без помех.

Проводами спутана планета,
Полон звуков – напряжен эфир.
В завершенье крайнего куплета,
С нами поздравляет Вас весь мир.

2007 г.

**В.В. Васькову —
На КП минутное затишье**

* * *

На КП минутное затишье,
Скоро будет следующий залёт.
На канале никого не слышно,
И никто, ругаясь, не орёт.
На земле все Сушки,
На земле все Миги.
В воздухе спокойно,
Ни...какой интриги.

За что меня сегодня отругали?
Считаю, что ни в чём не виноват.
Вы сами отвратительно летали,
Я точно вывел Вас на перехват.
Ох, уж эти Сушки,
Ох, уж эти Миги.
Как поднимут в воздух,
И.... пошли интриги

А в прошлые полёты, так хвалили,
Когда навёл на малой высоте.
Цель с первого захода завалили,
Мне ж поощренье в боевом листке.

Отличились Сушки,
Отличились Миги.
Цель удачно сбита,
Ни...какой интриги.

Приборы и экраны поостыли,
И поостыл промазавший пилот.
А нам на пост тихонько сообщили,
Что он опять на перехват пойдет.
Ох, уж эти Сушки,
Ох, уж эти Миги.
Как поднимут в воздух,
И... пошли интриги

На КП закончилось затишье,
И начался следующий залёт.
У того всё с перехватом вышло,
И никто в эфире не орёт.
Навели все Сушки,
Навели все Миги.
В воздухе спокойно,
Ни...какой интриги.

2008 г.

И меня когда-то второпях

* * *

И меня когда-то второпях,
Сразу, как умру и посинею.
Вынесут с постели в простынях,
До того, как я закаменею.

И в речах для траурного зала,
Мне простят ошибки и грехи.
Лишь прошу, чтоб тихо, без скандала,
И прочтите мне мои стихи.

Я услышу, хоть недвижно тело,
Я живой, хоть сомкнуты уста.
Ведь душа еще не улетела,
В вечные и светлые места.

И неправда! Нет здесь Ада, Рая,
Мир иной, все сразу не понять.
С прежней жизнью — разница такая,
Что не нужно больше умирать!

2005 г.

**3. СТИХИ.
ГРАЖДАНСКАЯ ЛИРИКА**

Сад —
Был раньше здесь цветущий сад

* * *

Был раньше здесь цветущий сад,
Все жили любовно.
Плодовые деревья в ряд,
Тянулись к небу ровно.

Никто друг другу не мешал,
Ни веткой, ни листвою.
И каждый поровну питал,
Себя из недр водою.

Всё было так до той поры,
Сейчас никто не вспомнит.
Но вдруг с какой-то стороны,
Напали вероломно.

Да нет бы, съесть плоды — уйти,
С собой бы взять в дорогу.
И для соседей натрясти,
Не жалко — ради бога.

Они ж давай ломать, крушить,
Копать под корневище.
С дурацким планом — осушить,
Истратив денег тыщи.

Взмолились мы — деревья, тут
Прохлада, воздух пряный.
И созревает разный фрукт,
По осени багряной.

Смотрите, сколь вокруг земли,
Ничейной, стройте смело.
Но все протесты отмели,
Инстанции умело.

Рубили нас — мы плакали,
За садом в куче жгли.
Из пепла в поле злаками,
Мы всё-таки взошли.

Теперь уж жизнь у нас не та,
Укорочен наш век.
От страха жмёмся мы, когда,
Проходит человек.

2005 г.

**Римме —
Вот 30 лет как мы вдвоём**

* * *

Вот 30 лет как мы вдвоём,
И даты наши — все с нулём.
И что прожили всё не зря,
А на «дворе» уж три нуля.

Век поделился пополам,
Ты родилась на радость нам.
И первый тост в кругу семьи,
За годы выпьем за твои.

Забудь обиды, не грусти,
Невзгод всегда полно в пути.
Ведь жизнь сложна и не проста,
Светись улыбкой лет до ста.

А мы, домашние твои
Желаем счастья и любви.
И внучка – что так сладко спит,
За всё тебя благодарит.

Прости меня, детей своих,
Прости родных, но не чужих.
Себя прости – и дальше в путь,
Плохое в жизни позабуди.

Любимая, роднее нет,
Хоть обойди весь белый свет.
Ну, не грусти, будь веселей.
За твой, РИММУЛЬКА, юбилей!

2000 г.

**Гении и люди —
Мы обуздали реки, мирный атом**

* * *

Мы обуздали реки, мирный атом,
И из тепла свет делаем давно.
Как был он прав, когда сказал в двадцатом,
Что начинать нам нужно с ГОЭЛРО.

Прошло немало лет и поколений,
И были войны, смута, кутерьма.
Но помним мы, что завещал нам гений,
Нам нужен свет, чтоб отступила тьма.

В былом остались планы, пятилетки,
Но в них страна рождалась и жила.
За свет в окне, спасибо нашим предкам,
Спасибо им за светлые дела.

Мы тоже к электричеству причастны,
Вот в СУ объединились и творим.
Всё ничего, жаль, цели нам не ясны,
Куда идём и что в конце ХОТИМ.

Уже тысячелетье разменяли,
И каждый выбил нужное из ста.
Одних ушли, но многих и распяли,
Всё те же, что замучили Христа.

Он говорил, свой лик, направив к свету,
Я выведу Вас всех из этой тьмы.
Но как всегда по ложному навету,
Свели его к распятию из тюрьмы.

Как гений, так давай его на плаху,
Идеи их не нужны задарма.
Досталось и Иисусу и Аллаху,
От бездарей, которых всюду тьма.

Допустим, что Христос вдруг объявился.
Представить страшно, чтобы сделали мы с ним.
Вот потому на небе он укрылся,
Так и не поняв, что же мы ХОТИМ!

2006 г.

Солнце гавань согревает

* * *

Солнце гавань согревает,
Утро — дремлют корабли.
Ветерок с волной играет,
Признаваясь ей в любви.

Он, то ласково обнимет,
То барашки расплетёт,
То цвет глаз волны усилит,
То за талию возьмёт.

А волна вся разомлела,
Поднимает выше грудь.
Волновалась, тихо пела,
Ветерок боясь спугнуть.

Ну а он в уста целует,
И волна всё льнёт к нему,
То нахлынет, то отступит –
Не противится ему.

Такт движений всё сильнее
Атмосферы и воды.
Ветерок задул как ветер,
Волны встали на дыбы.

Солнце гавань разогрело,
Бьёт волна о корабли,
Забурлила, потемнела
От неистовой любви.

2008 г.

Я устал от жизни и забот

* * *

Я устал от жизни и забот,
Одолели разные напасти.
От того, как бедствует народ,
И от тех, что дорвались до власти.

Я устал от неприкрытой лжи,
Что звучит в эфире и с экрана.
Неужели умные мужи
День прожить не могут без обмана?

Я устал от злости и крови,
От sireны, воя и набата,
От Чечни, где вновь идут бои,
И от мук российского солдата.

Я устал в своей родной стране,
Видеть обездоленных и «сытых»,
Стариков с копейками в руке
И бомжей лохматых и немых.

Я устал от лести и поклон
И от незаслуженного тоста,
От ненужных пышных похорон
И от панихиды и погоста.

Я устал от жизни и хлопот,
Я устал одолевать напасти.
Я устал, устал и мой народ
От бездействий настоящей власти.

1999 г.

Поле – Среди кустов на огороде

* * *

Уж не помним точно. Вроде,
Среди кустов на огороде.
В зарослях густой полыни,
Девочку нашли Полину.

Ох, как все мы были рады,
За добро видать награда.
Мы ее в тазу отмыли,
И в кроватку уложили.

Крошку молочком поили,
На руках ее носили.
А была вдруг горяча,
Вызывали к ней врача.

Год за годом пролетели
Песню «баюшки» отпели.
Подросли, окрепли ножки
Бежит Поля по дорожке.

Мама, бабушка и все мы,
Полю учим по системе.
Пальцы на руках считать,
«Ба» и «Ма» уметь читать.

В дом культуры с ней ходили,
Танцам, рисовать — учили.
В Битцевском лесу с пригорка,
На ледянке мчалась с горки.

Вот приятная пора,
Всему рада детвора.
Дождику, жаре и вьюге,
Кукле новой и подруге.

Но настал и год и час,
В школу пригласили нас.
Дали Поле мы тетрадки,
Книги, ручки и закладки.

Как хотелось, чтобы в школе,
Все понравилось бы Поле.
Чтоб и устно и в тетрадь,
Все отметки были — «пять».

Но лениться стала Поля,
Получает «тройки» в школе.
Правда, редко, не всегда,
Вот какая с ней беда.

Плачет бабушка и мама,
Стала Полюшка упряма.
Окрик нужен, чтоб считала,
Чтоб «родную речь» читала.

Нет, Полина, так нельзя,
Учат в школе Вас не зря.
Надо в руки себя взять,
И отметки исправлять.

А то летом, в этот год,
Отведем на огород.
И оставим средь полыни,
Нашу девочку Полину.

2006 г.

Новогодний вальс

* * *

Только для Вас прозвучит этот вальс,
Вы же об этом просили.
В новом году он закружит всех нас,
В новом году он закружит всех нас,
Так, чтоб печали старого года забыли.

Кружатся, кружатся парами,
Кружимся в вальсе и мы.
В вихре с прекрасными дамами,
На новогоднем сказочном вальсе зимы.

Вспомним, танцуя, серебряный вальс,
Молодость, как вы любили.
Время прошло, но как будто сейчас,
Время прошло, но как будто сейчас,
В памяти вашей давние встречи ожили.

Кружатся, кружатся парами,
Кружимся в вальсе и мы.
В вихре с прекрасными дамами,
На новогоднем сказочном вальсе зимы.

Как вы прекрасно танцуете вальс!
Где вас тому научили?
Все кавалеры не сводят с Вас глаз,
Все кавалеры не сводят с Вас глаз,
А музыканты вальс доиграть не спешили.

Кружатся, кружатся парами,
Кружимся в вальсе и мы.
В вихре с прекрасными дамами,
На новогоднем сказочном вальсе зимы.

Только для вас прозвучит этот вальс,
Вы танцевать так хотели!
В новом году он закружит всех нас,
В новом году он закружит всех нас,
А все печали снегом засыпят метели.

Кружатся, кружатся парами,
Кружимся в вальсе и мы.
В вихре с прекрасными дамами,
На новогоднем сказочном вальсе зимы,
На новогоднем сказочном вальсе зимы.

2005 г.

Ах, март, весна ещё в начале

* * *

Ах, март, весна ещё в начале,
А дни всё ярче и длинней.
И солнце в налитом бокале,
И думы только лишь о ней.

О ней, прекрасной и любимой,
О ней, желанной и родной.
О ней, единственной и милой,
О ней, которая с тобой.

Ах, март, побудка для природы,
Ручьи, капли всё сильнее.
Ушли с морозами невзгоды,
Оставив думы лишь о ней.

О ней, таинственной и нежной,
О ней, что манит за собой.
О ней, теперешней и прежней,
О ней, что ждёт тебя домой.

Ах, март, весенние гулянья,
Любовью души обогрей.
Пусть наши сбудутся желанья,
И сокровенное о ней.

О ней, что встретится когда-то,
Которой скажешь, что «люблю».
Что полюбил ты крепче брата,
Ещё нежней, чем мать свою.

2000 г.

**Н.М. Скрабневской –
Сегодня в нашем милом СУ**

* * *

Сегодня в нашем милом СУ,
Мы собрались в шестом часу.
Чтобы поздравить с юбилеем,
Словами, взносом – как умеем.
Того, кто главный по расчетам,
По всем вопросам и по счетам,
По всем бумагам, платежам,
В совете с кем и Зам, и Сам.

Короче, вот уже полвека,
Россия знает человека.
И попрошу всех выпить стоя,
За нашу Ниночку – героя.
(А что? Полста в такой стране,
Как подвиг раньше на войне.)
Все тосты только в вашу честь,
А Вам счастливых дней не счесть!

2006 г.

**А.Н. Коротову –
Сегодня званый будет ужин**

* * *

Сегодня званый будет ужин,
Причина? Тот, кто всем нам нужен.
Нас он позвал на угощение,
Ему сегодня – день рожденья.

Красивый стол: закуски, вина,
И фруктов целая корзина.
Бутылка водки лишь одна,
Чтоб не обидеть Ногина.

Ну вот, расселась вся артель,
И тишина. Прикрыта дверь.

Тост первый – Коротов встает,
Он ждет, когда Школьняк нальет.
Себе игристого вина,
Чтоб с тостом выпить всё, до дна.

Сегодня в день твой светлый, Саша,
Пьем за тебя, душа ты наша.
Чтоб не болел, здоровым был,
И чтоб до «ста» хватило сил.
Вот Игорь первым встал – не зря,

В СУ -205-м два царя.
Два кабинета и два трона,
И на двоих одна корона.

Храним и чтим мы марку эту,
Им первый тост – по этикету.
Пока еще сосед не пьян,
От инженеров встал Иван.

Друзья! Позвольте мне сказать,
Ведь «42 не «45»-ять.
Но мудр А.Н. не по годам,
Он Богом дан на радость нам.

Прорабы, видя, что отстали,
Все разом с места мигом встали.
Встряхнулись, будто ото сна,
Под руки держат Ногина.

Мы за тобой, отец родной,
Ну как за каменной стеной.
Защитник наш, творец, создатель,
Наш опекун, работодатель.

Мы за тебя весь Шар изроем,
И в срок все табели закроем.
Покуда терпит Мать-земля,
Все закопаем кабеля.
И тот, который уже спал

Вдруг захрапел и заикал.

Тут «слабый пол» бокалы взяли,
От них, как в сказке, трое встали.
Как на плацу – строй «ухо к уху»,
И слово первое – Главбуху.

И говорит душа-девица,
Вот если б, я была певица.
Чтобы было веселей,
Спела б песнь, на юбилей.

Говорит втора девица,
Эх, была бы вольной птицей,
Я б с А.Н. от вьюг и лыж,
Улетела бы в Париж.

Третья молвила девица,
Надо ж, ныне сон мне снится.
Будто с шефом на «ура»,
Танцевали до утра.

Гендиректор заметался,
От Парижа отказался.
И под песнь про лебедей,
Закружился в вальсе с ней.

Отплясали, сели снова,

Тост у Кущенко готовый.
Он поднялся еле-еле,
Ребра все еще болели.

Вот досада, вот напасть,
Кабы снова не упасть.
Пожелал здоровья, счастья,
Чтоб берег Бог от напасти!

Говорили еще гости,
Были танцы, были тосты.
Я там был и вина пил,
Балагурил и шутил.
И под дружное «хи-хи»,
Прочитал свои стихи.

2004 г.

**Ираиде Григорьевне –
Всё также, как позавчера**

* * *

Все также, как позавчера,
С утра лил дождь, как из ведра.
Причина та же – День рождение,
И на столе вновь угощенье.
И слева, ближе у окна,
Фигура Миши Ногина.
Он весь внимателен – для вида,
Но вот заходит Ираида!

Наш именинник – все встают,
И ей букет цветов дают.
Шампанское пошло по кругу,
Целуют девочки подругу.
И все в твой день и в день ненастья,
Желают больше в жизни счастья.
Любви – большой земной любви,
Чтоб еще пели соловьи.

Чтоб на Земле исчезло зло,
Чтоб всем жилось легко, светло.
Чтоб настроенье от погоды,
Не портилось у вас на годы.

2004 г.

Себе, Ирине Станиславовне и русскому солдату

* * *

Сидим: закуска, вина, водка,
Салаты, шпроты и селёдка.
А кто-то скажет рановато,
Ведь только завтра — день солдата.

Да нет, у нас то именины,
Мои и с офиса Ирины.
Моя, её, сегодня дата,
Чуть позже выпьем за солдата.

Сегодня ровно десять дней,
Как договор подписан с ней.
Чтоб дважды Вас не беспокоить,
Решили вместе стол устроить.

Здесь всё от нас по половине,
Есть от меня, есть от Ирины.
А тосты, речи от своих,
Поделим тоже на двоих.

Но, вспомним прожитый наш год,
В СУ поубавился народ.
И не маячит у окна,
Фигура Миши Ногина.

Да, год нелегкий был у всех,
Паденья были, был успех.
Ничто на складе не пропало,
И у Ирины всё совпало.

И в штуках, парах, метражах,
И у прорабов в дележах.
И валенки, кирки, лопаты,
Всё по нулям, в канун сей даты.

С бензином тоже все в порядке,
Как у отличника в тетрадке.
И НАЛ сошёлся и БЕЗНАЛ,
Главбух об этом нам сказал.

Ну, всё, за нас по-половине,
Верх за меня, низ за Ирину.
За то, чтоб в деле была злость,
И чтобы счастливо жилось.

P.S.

Вот, а теперь не поздноато,
Нам вспомнить русского солдата.
Одна последняя война,
Его возвысила сполна.

Да, если б не советский Ваня,
С Сибири, Курска и Рязани,
То, до сих пор в печах горели,
Поляки, чехи и евреи.

Что ж отведем сегодня душу,
Попьем за нас и за Ванюшу.

2006 г.

**И.И. Злакоманову, В.В. Нистратову —
Когда впервые наш творец**

* * *

Когда впервые наш творец,
Попарно вел нас под венец.
Просил, чтоб первенца — мальчика,
Все называли в честь отца.

С тех пор, так многое забылось,
И было ль так, иль все приснилось.
Неподтвержденная молва,
Неправда, скажут, всё слова.

Но нет, смотри, а в нашем СУ,
Живем в столице, не в лесу.
И то, как плюс — иконостаси,
Есть два Ивана и два Васи.

В одном лице Ив.Ив., Вас.Вас,
Они начальники для нас.
Ив.Ив. по значимости третий,
Вас.Вас. старшой энергосети.

И вот сидят они вдвоем,
На видном месте за столом.
Наш коллектив их поздравляет,
Всего хорошего желает.

У них сегодня день рожденья,
Никак не скрыть свое волнение.
Ох, побыстрее бы по — домам,
А тут еще тосты, от дам.

Друзья поспешность не поймут,
Друзья смакуют, а не пьют.
Нет, в том греха, коль пить за друга,
Поймет домашняя подруга.

Обычай русских, от творца,
От Сына, Духа и Отца.
Христос он хоть и жил давно,
Но за друзей пивал вино.

А тут тем более, двойне,
Как пред атакой на войне.
За Вас по — полной, за мальчика,
За Ваню, Васю удальца.

Чтоб руки Ваши не дрожали,
Чтоб Вас любили, уважали.
Чтоб рюмку пили до конца,
И за себя и за отца.

2005 г.

**Н.М. Скрабневской, Н.А. Сорокину —
Эх, жизнь с тревогами, заботами**

* * *

Эх, жизнь, с тревогами, заботами,
С работой мирной и полетами.
Открой нам тайну, свой секрет,
Что после жизни? Дай ответ.
Мы может быть мудрее стали,
Коль сокровенное узнали.

Куда ж несешься Мать — Земля,
Рождая нас и хороня?
Твой путь в безмолвьи и печали,
Таких, как мы не повстречали.
Но на работе и в быту,
Мы ждем и смотрим в высоту.

И думы гложут и гнетут,
Придут все гости — не придут.
С трудом ложиться рифма в строки,
Скучает Нина, хмур Сорокин.
Из приглашенных пятисот,
Пришло не более трехсот.
Еще б с полсотни наскрести,
А обещали все прийти.

Подарки ладно — то полдела,
То ничего, но все ж заело.
Куда девать продукты, а?
Зовут садиться — Да, пора!
А чтоб компания вся спелась,
Земля быстрее завертелась.
И полетели в день весенний,
Мы с тостом, с песней по Вселенной!

И Нина с Колей всех простили,
А мы за их здоровье пили.
И от Светила и планет,
Желали им по — больше лет.
Быть на вершине вдохновенья,
Ведь жизнь — ничто, коль нет движенья.

2005 г.

**И.В. Школьняку —
Всегда в почёте был строитель**

* * *

Всегда в почете был строитель,
Он созидатель и хранитель.
Воздвигли ж, деды и отцы,
До нас и замки и дворцы.
Да, на Руси творцы не редки,
Вон как творили наши предки.
И мы, взяв старт на эстафете,
А следом уже наши дети,
Поднимут кварталы, мосты,
До небывалой высоты.

Сегодня рюмку коньяка,
Мы с тостом пьем за Школьняка.
За то, что любим Вас и чтим,
За годы, прожитые им.
За то, что всем давно не в новость,
За ум, порядочность и совесть.
Он молод, меньше полувека,
То не года для человека.
Дай бог, чтоб видел этот свет,
Наш Игорь пару сотен лет.

По – праву в кресле он сидит,
СУ-205 руководит.
Не всем под силу груз такой,
Начальствовать – труд непростой.
На все вопросы дать ответ,
Минут свободных часто нет.
Спешит, чтоб в будущем Москва,
Сказала теплые слова.
И будет радостная весть –
Бюст установят в Вашу честь!

2005 г.

А.Н. Коротову (пьеса)

(Действующие лица: сотрудники СУ.)

Действие первое

Год прошёл, опять расселись,
За год ещё крепче спелись.
Хоть хоромы уж не те,
Ничего, что в тесноте,
Не на улице. Вообще —
Милым рай и в шалаше.
На столе еда — не каша,
Царска снедь и полна чаша.
Тосты и улыбки наши,
Будут Коротову Саше.
От себя, от Вас, от всех,
Кто хотел бы, но ведь всех,
Не посадишь за столом,
Нет таких столов. Потом
Время, как его немного,
Два часа и в путь-дорогу.

Елина:

Было б здорово, вот кабы,
Нас непьющие прорабы,
Персонал мужской и дам,
Развозили б по домам.

Короткова:

Да, в коленках поослаб,
Что-то нынешний прораб.

Фролова:

Ладно, их хоть не пугайте,
Пополнее наливайте.

Пьём за Вас и в Вашу честь,
Приготовленное есть.
Обещали девы наши,
Песни спеть для нас и Саши.

Скрабневская:

Нету кворума для хора,
И пока нет дирижера.

Ефименко:

Выпьем, посмелее станем,
Вот тогда, глядишь, затянем.

Зингер (прораб):

Не хотите щас — потом,
Ничего, мы подождём.

Выпили и закусили,
И по следующей налили.

Тут снабженцы встали рядом,
Можно первыми мы скажем?
Смирно встали, во весь рост,
Наш с обидой будет тост.

Кущенко (нач.снабжения):
Обижают нас прорабы,
Миль пардон и наши бабы.

Морозов (его зам):
Что в делах, мол, спутались,
В накладных запутались.

Кущенко:
Я ж домой то не несу,
Мы с утра в поту за СУ.
Мы ж не галстуки на шее,
АСБ кладем в траншеи.
Мы всегда с рабочим рядом,
Как генералы пред парадом.
А то ходят кривотолки,
И сбивают темп на стройке.
Мол, снабжают неумело,
Потому-то нас заело.
Козни эти от прораб,
Я ж с Морозовым, как раб.

Коротов:

Ладно, Коля, ближе к теме,
Тянем мы своё же время.
А прораб, он есть прораб,
Что-то нужно — он во СНАБ.

Школьник:

Ты, Петрович, не серчай,
То ли скажут невзначай.
Это от непониманья,
Не от должного вниманья.

Лобаев (зам.гл. инженера):

Да, снабженцем быть не просто,
Даже те, кто ниже ростом.
Норовят подковырнуть,
Побольнее ущипнуть.

Кущенко (вытирая пот):

Боюсь до рта не донесу,
Рюмка долго на весу.

Кущенко, Морозов:

Мы начальство уважаем,
Счастья всякого желаем.
Коллектив и весь народ,
Пьет за сорок третий год.

Вынув руку из кармана.
Встал Иваныч, сын Ивана.
Он поднялся с рюмкой, с квасом,
И сказал тяжелым басом.

Злакоманов (гл.инженер):

Трудно, очень трудно всем,
А А.Н. то и совсем.
Мы его должны беречь,
Шефом быть не булки печь.
Чтоб и в будущем всегда,
Пили за его года.

Нистратов (энергетик):

Можно мне «алаверды»,
С шефом нам не знать беды.
Наши годы хоть и сложны,
Мы предельно осторожны.

Сорокин (прораб):

Раньше тоже гнули, гнули,
Спины только разогнули.
Думали вот-вот просвет,
А его всё нет и нет.

Лобаев:

Вот живуча та напасть,
Знать, кому и сколько класть.
В префектурах без стеснения,
Требуют вознаграждения.

С мест:

Пусть нам скажут знатоки,
Как сгорают пятаки.

Школьник (зам. ген. дир.):

Для работы коллектива,
/говорил он нам игриво/.
Чтобы всем спокойней спать,
Лучше этого не знать.
Что, кому, зачем и сколько,
Должен знать ОН, Я и только.
И тогда, всем круглый год,
Будут класть продукты в рот.

Действие второе

Коротов:

Да, вообще-то уж пора,
Ну, не ждать же до утра.
Песня нас должна согреть.

Скрабневская:

Всё девчата — время петь.

От автора:

Пели про любовь и слезы,
И про русские берёзы.
Про завядшие мимозы,
Про пионы и про розы.
А ещё пропели вместе,
О женихе и о невесте.
О невиданной любви,
Как им пели соловьи.
/Не за так, а за свои,
На невестины рубли./
Валя слушал, охал, ахал,
Носом шмыгнул и заплакал.

Ткаченко (инженер):

Как же так, что на свои,
Пели даме соловьи,
Честь забыли, нету веры,
Без рубля, а в кавалеры.
И с заначки, из своей,
Дал певуньям пять рублей.

А Носков, нахмутив брови,
Речь давно он подготовил.
Встал, расправил грудь и спину.

Носков (прораб):

– Шеф, спасибо за машину.
А то прямо, как без ног,
Без машины занемог.
А теперь пошли дела,
Закусивши удила.
Вам привет шлёт вся бригада,
Прсят, коль чего-то надо,
Враз предстанут перед Вами,
Не задейственны делами.
Новой формою горя,
«Тридцать три богатыря».
Все исполнят, всех сметут,
И на стройку вновь уйдут.

Коротов:

Ну, спасибо за тылы,
Думал львы, а Вы Орлы!

Действие третье (после перекура)

Сапронов (прораб):

Нас вопрос давно волнует,
В СУ вот мнение бытует.

Климкин (прораб):

Пополненья никакого,
С демографией хреново.

Сорокин (прораб):

Мы уйдем, а кто возглавит,
Кто работать будет, править.

Солянкин (инженер):

Пока дамы нам поют.
Мрёт и гибнет русский люд.

Женщины (вместе хором):

Нас работой так зажали,
Пятый год как не рожали.
Слабину дать нужно нам,
Отпускать к своим мужьям.

Коротов:

Вот где, Ваня, наш просчёт,
Критику взять на учёт.
Как чего, ты должен знать,
План составить и зачать.

Злакоманов:

Да, вопрос больной на шею,
Ну кто-то должен рыть траншею!
Будет выполнен приказ,
Завтра сделаем Указ.

Школьник:

Нужно всех созвать отцов,
Чтоб начали с пацанов.
В ноябре пройдет зарплата,
По «чекушке» дать на брата.

Женщины (радостно):

Коль поставлен так вопрос,
И на детей повышен спрос,
Вот домой сейчас придём,
Приберёмся и зачнём.

Действие четвертое (заключительное)

Злакоманов шепотом беседует с Нистратовым:

Я в субботу был на даче,
Бес попутал, не иначе.
Чтоб не залезли больше воры,
Проверял с утра запоры.
Взял, закрылся изнутри,
Еле вышел часа в три.
Ломиком пытался гнуть я,
Хотел в окно, там тоже прутья.
Ну, бандиты, ну, шпана,
Кто залезет — тем хана.

Нистратов:

А я в решётках на окне,
По замеру на спине.
Сделал форточки на случай,
Чтобы так себя не мучить.

Коротов:

Всё кончаем, скоро восемь,
Все остатки в кухню сносим.
Надо бы к концу недели,
Чтобы всё допили, съели.

Кущенко, Морозов (их кабинет на кухне):

Слишком много нам одним,
За неделю не съедим.
Может мы пока с Андреем
В коридоре посидим.

Зингер:

Кто на кухне, тот в почёте,
Зубы там всегда в работе.
Вы нужны там, чтоб следили,
Чтобы поровну делили.

Вот и кончилось застолье,
Докатил домой за «сто» я.
Дождик лил как из ведра,
Завтра вновь на склад с утра.

2005 г.

**Г.И. Климкину –
У нас Москва-река, не Сена...**

* * *

У нас Москва-река, не Сена,
У нас столица, не Париж.
Давай по-русски, тяпнем Гена,
А то ты грустен и молчишь.
Да, дата прямо не простая,
Она для каждого святая.
Полста годков, увы, не скинешь,
Они прожиты – но не финиш.
Тебя ждёт новая черта,
Коль доберёшься ты до ста.

Всё СУ собралось за столом,
Мы за тебя сегодня пьём.
И речи, сказанные нами,
Твоими близкими друзьями.
Ты на бумагу запиши,
Прочтёшь когда-нибудь в тиши.

Прочтёшь и вспомнишь, видит око,
И рядом всё и так далёко.
/Как мне ночами не до сна,
Всё пред глазами – небеса./

Дай бог всего, что хочешь в жизни,
Живи назло всем катаклизмам.
Живи на радость нам и им,
Жене, родным, детям своим.
Живи, покуда видишь свет,
От солнца, звезд и от планет.

Живи, да так, чтоб смог и в сто,
Поднять стаканчик граммов сто.

2005 г.

В.Ф. Зяблову –
Мы цену хлебу знали с малолетства...

* * *

Мы цену хлебу знали с малолетства,
И выросли, набрав ума и сил.
Один с тоской глядел на небо с детства,
Другой во снах на МАЗе колесил.

И все сбылось ,я прожил жизнь в полете,
А в нем себя я встретил и узнал.
Он был всегда со мною в самолете,
А я с ним будто в МАЗе откатал.

Мы в разных переделках побывали,
Кто в воздухе, а кто и на земле.
Я спину наломал, когда летали,
А он подошвы стер все на езде.

Себя тогда особо не жалели,
Давили, что есть мочи мы на газ.
От напряженья руки дервенели,
Чтоб удержать на трассах СУ и МАЗ.

Вот потому и боли в пояснице,
И руки, ноги ноют по утрам.
И ночью от чего-то нам не спится,
Мы телом здесь, а мысли наши там.

Закончу стих на невеселой ноте,
Кому он нужен, наш огромный стаж.
Меня как будто стрельнули на взлете,
А друга с рейса, навсегда в гараж.

2006 г.

**А.Ю. Страхову –
Толя, друг, возьми свою гитару**

* * *

Толя, друг, возьми свою гитару,
Зачаруй аккордами опять.
Ты душой и возрастом не старый,
Молодой, всего-то – полста пять.

Спой, дружище, песню поскорее,
Наши души думами овей.
Сделай Толя сердцу потеплее
Баритоном, музыкой своей.

Ты по грифу проведи рукою,
Подтяни к тональности колки,
Спой про жизнь, которая порою
Вся полна и грусти и тоски.

Тексты унесут нас всех в былое,
Струны, как когда-то — в перебор.
В жизни всё хорошее, плохое
Нам зачтётся в общий приговор.

От вина все мысли нараспашку,
Песня обострила чувства нам.
А за текст последнюю рубашку,
Что пропел, я запроста отдам.

Толя, друг, возьми свою гитару,
Зачаруй аккордами опять.
Кто поёт, тот не бывает старым,
В 20, 30, 40 в 55-ть.

2008 г.

**Н.П. Кущенко —
Давай Петрович, нам налей...**

* * *

Давай, Петрович, нам налей,
За золотой свой юбилей.
Нежны, сладки годочки эти,
Что прожил ты на белом свете.

50 лет — это не конец,
Смотри, какой ты молодец.
Здоровьем пышешь, словно печка,
Бежишь по жизни, аки речка.

И вот настал «заветный» час,
На юбилей созвал ты нас.
И мы пришли тебя пославить,
И с этой датой поздравить.

Давай, Петрович, пополней,
Еще в стаканы нам налей.
И годы эти не жалея,
В запасе еще тыщи дней.

С лица и тела сбрось усталость,
Полвека, ах какая малость!
Рубеж сей-то еще не старость,
Вам еще столько же осталось.

Всё СУ, мужчины и девчата,
Вас любят, как родного брата.
И вам желают в юбилей,
Нежнее, слаще в жизни дней.

2006 г.

А.Н. Короткову —
Пьеса из 3-х частей

СОН В РУКУ

Часть 1-я

Коротов:

Пока летная погода,
И канун шестого года.
Тему надо обсудить,
План убойный утвердить.
Скоро к нам придет зима,
Все полезут в закрома.
Стужей, холодом повеет,
Всяк оденет, что сумеет.
Я ж хочу, чтоб в нашем СУ,
Женщин всех одеть в лису.
Да, и нам уже пора,
Сшить шубчонки из бобра.
Тем, кто ходит в префектуры,
Шубы сшить из волчьей шкуры.

Лобаев:

Чтобы им сберечь себя,
Нужна шкура медведя.
Я встречал такие пасти,
Шестерых порвут на части.

Коротов:

Хорошо, ну что же братцы,
За проблему нужно браться.

Злакоманов:

Где ж мы шкур столь раздобудем,
Голодать все, что ли будем.
Дел полно — нужны вон шины,
Зимней нет у нас резины.
Если только нам самим,
Настрелять зверья для зим.

Школьник:

Вот об этом-то и речь,
Чтобы денежки сберечь.
Нужно только два ружья,
И патроны для зверья.
Дом в Тверской губернии есть,
Там мы можем все осесть.
Отдохнуть, поспать и сесть,
И горяченького съесть.
Завезли все загодя,
На плацдарм, на медведя.

Нистратов:

А собаки?

Коротов:

Есть собаки!
Чемпионы в злющей драке,
В полцены у знатоков,
Приобрел я двух щенков.

Женщины:

Кто зверье-то нам добудет?
Длинные ночи спать не будет.
Кто оденет нас в лису?
Смельчаки нужны для СУ.
Волк, медведь, он ведь клыкаст,
Не попасть бы к нему в пасть.
Иль сломать что, иль упасть,
И в тверских лесах пропасть.

Зингер:

Тут, конечно, не без риска,
В жизни все дороги склизки.
Если кто не выйдет с боя,
Похороним как героя.

Прорабы:

Да, чего там говорить,
В шкурах безопасней жить.
Век носить и не сносить,
И труднее прокусить.

Всё бы вроде ничего,
Жаль погибшего того.
Кто живым не выйдет с боя,
Кого в землю, как героя.

Коротов:

Что-то я вас не пойму,
Куда клоните, к чему?
Может, кто-то не согласен,
Может, план кому не ясен.

Прорабы:

В лесу множество зверья,
А всего-то два ружья.
Пропадем, глядишь, зазря,
А у всех у нас семья.

Школьняк:

Так мы кашу не заварим,
И уху на всех не сварим.
Что ж, не ждать от вас «добра»,
А мы им шубу из бобра!

Прорабы (подумав):

Ладно, план мы одобряем,
И лохматых погоняем.
На ноги наденем латы.
В руки — кирки и лопаты.

Коротов:

Голосуем! (Что за смех),
По команде — руки вверх.

Морозов (зам. по снабжению):

Я так молод, страшновато,
А где достать мне эти латы?

Кущенко (нач. снабжения):

Ты, Андрюшенька, не вой,
Не грозит нам этот бой.
Мы с тобой по заготовкам,
По патронам и винтовкам.
По провизии и шмоткам,
По машинам и по лодкам.
Нам в тылу с тобой сидеть,
Издаля на все смотреть.
Если что, то по секрету,
Нас не призовут к ответу.
При хорошем-то раскладе,
Мы в плюсах, и не в накладе.

Морозов:

Вам, Петрович, повидней,
Вы и старше и мудрей.
А медведь через заслон,
В «партизанах» он силен.

Кущенко:

Ты, как гайка, на резьбе,
Ладно, будешь ты в избе.
Сам по весям ездить буду,
И провизию добуду.
Мы согласны, шеф, снабдим,
Все кампании для зим.

Коротов:

Ну, теперь уж не до сна,
Вся стратегия ясна.
Нужно плану дать нам ход,
И отправиться в поход.
Зверя мы в клещах зажмем,
Кто на флангах — те с ружьем.
На загон пойдет прораб,
Водки дать, чтоб не озяб.
До рассвета, спозаранку,
Вы, Ткаченко, на приманку.
Вас увидя, зверь затрусит,
Твою шею не прокусит.
Возьми схемы, наши планы,
Чтоб не угодить в капканы.
Как разведчик в поле боя,
Ты, по-волчьи громко воя,

Медведей, волков и лис,
Всех заманишь с лесу вниз.
Ну а мы их тут в лощине,
Дробью встретим по щетине.
Вы, как главная персона,
Налегке пойдете в зону.
Ясно все? Вопросов нет?
Сдайте паспорт, партбилет...
Медсестрой пойдет главбух
(размышляет А.Н. вслух)
Может, женщин взять нам двух,
Не осилит, как главбух.
В бой пойдет и Короткова,
В батальон ее к Носкову.
Вдруг он понесет потерю,
Левый фланг усилим ею.
Злакоманов с мужиками,
Занимайтесь кострами.
А почувете тревогу,
Прибегайте на подмогу.
Остальным работать, ждать,
С зверя шкуры обдирать.
Вешать бирки и ярлык,
Медвежатину в шашлык.
Как вернемся — посидим,
Все с усталости съедим.

Вдруг за ухом зашипело,
А потом и зазвенело.
Мать честна, так это сон,
И будильника трезвон.
Вот привиделось в тиши,
Хоть роман, садись, пиши.
Разогнал во мне он скуку,
Да, хорош сон, прямо в руку.
Видно час настал опять,
Время ружья заряжать.
Здравствуй, милая мне Тверь!
Избы с крышей набекрень.

ДОРОГА НА ОХОТУ

Часть 2-я

Коротов:

Веселей Василий правь,
То не сон теперь, а явь.
В Тверь подальше от народу,
Наведем там мать-природу.
Поохотимся в леску,
Мы по первому снежку.

Зяблов:

Хорошо бы подфартило,
Завалить кабанье рыло.
Иль сохатого добыть,
В зиму, с мясом легче жить.

Школьник:

Да, чего там говорить,
Это не по вёдрам бить.
Вся посуда словно сито,
На заимке вся пробита.
Не налить что, не напиться,
Не умыться, не побриться.
Хорошо, тверской племяш,
Новый чайник спрятал наш.

Коротов:

Жалко что ль, едрёна мать,
Ружья ж надо пристрелять.
А ведро и кружки эти,
Мы закажем в Интернете.

Вась? А сколь ещё трястись?

Зяблов:

Пробка. Это не надясь,
Помнишь по весне, в апреле,
Когда утки прилетели.
Мы под вечер сорвались,
За час с гаком добрались.

Коротов:

Помню, «мерин» плёлся сзади,
Вась! А как дела на складе?

Зяблов:

Ничего, а труд не власть,
Все вручную — брать и класть.
Вот такая там напасть,
Одна мысль, как не упасть.

Коротов:

Ты, не спишь ещё, Школьник?
Говорили, как же так.
Надо б вместо снегохода,
Кран купить нам для народа.

Школьник:

Кран нам станет в три лимона,
Ставить где? Складская зона,
Маловата для него,
Потерпите, ничего.
Все проблемы не решишь,
Поспесишь, так насмешишь.
Будет им и механизм,
Щас же брат — капитализм.

Коротов:

Вася! Тормоз! Ни х....
А, он справа у руля.

Зяблов:

Прямо в лоб, по двум сплошным.

Школьник:

Сам в лепешку, х... бы с ним.

Надо ж гонит на людей,

Нет управы на б...й.

Зяблов:

Тут я слышал от ребят,

С «правым» ездить запретят.

А то, вон как, на обгон,

Ничего не видит он.

Коротов:

Вася!

Зяблов:

Что!

Коротов:

Ты меня слышишь?

Сбавь до ста, ездай потише.

Зяблов

Мы и так не шибко вроде,

Как помчишь на вездеходе?

Школьник:

Смысла нету, гнать теперь,
Вон светлеет — город Тверь.
Всё мы взяли — есть и пить?
Может что-то подкупить?

Коротов:

Полны сзади закрома,
Отоварились сполна.
Вася! Видишь объездная?

Зяблов:

Вижу. Вот она родная.
Ну, отсюда уже малость,
Километров сто осталось.

От автора:

Дальше ехали молча,
Двигатель сопел, урча.
Кто-то думал, как так в СУ,
Кто-то в мыслях был в лесу.
Кто-то — отдохнёт от склада,
Где работы — до упада.
Каждый думал о своём,
Хоть и ехали втроём.

Зяблов:

Всё приехали, встречают,
Видишь, вон рукой махают.

Коротов:

Вась! Подъедешь как всегда,
Снега нет, одна вода.
Как же сложится охота?

Зяблов:

Надо брать с собой Фогота.

Школьник:

Дом протоплен, благодать,
Время на стол накрывать.

Коротов:

Перекусим побыстрей.
Соберем всей егерей.
План изложим, обсудим
Их «Московской» угостим.

Школьник:

Только сильно не поить,
Завтра их не добудить.

Коротов:

Вася, притвори-ка дверь,
За успех нальем теперь.
За заимку и за Тверь,
За леса, где бродит зверь!

ОХОТА

Часть 3-я

Коротов:

Господа! Вставать пора,
Все помолимся с утра.
Дождик льет, погода плачет,
Верю я, нас ждет удача.

Племяш:

Хорошо бы до рассвета,
«Отче наш» прочесть с Завета.

Зяблов заходит в дом уже одетый

Зяблов:

Все готово, люди здесь,
Путь нелегкий, нужно сесть.
На дворе почти светло,
На загон пойдет село.

Школьняк:

Ну охота! Ну масштабы!
Все село!

Зяблов:

И даже бабы!
Тут охота дюжа модна,
Все построены повзводно.

Коротов:

На победу я надеюсь,
Двое суток, как не бреюсь.
Встали. Ружья на плечо,
Взяли все?

Племяш:

А что еще?

От автора:

Во дворе народ галдел,
И на дверь избы смотрел.
А увидел воеводу,
В рот набрали словно воду.

Коротов:

Здрате люди! Краток я,
На всех хватит нам зверья!
Егеря! Народ всё знает?

Главный Егерь:

Всё. Надежду оправдает.
Инструктаж провел сам лично,
Всё усвоили отлично.

Коротов:

Ну, тогда пошли в леса.

Школьник:

Вот начала. Чудеса!

Как дошли до леса с песней,
Это нам не интересно.
Обозначили район,
Встал кто в номер, кто в загон.
И пошла людская лава,
На лесных зверей облава.
И лоси и свиньи эти,
Проклинали все на свете.
И ломились напролом,
Кто под дробь, кто в бурелом.
Игорь с Сашей были рядом,
Ружьем с пулевым зарядом.
Взор и мысли начеку!
К свисту, шороху, щелчку.
Вдруг с туманного завеса,
Вышел ЛОСЬ-красавец леса.
Осторожничал шельмец,
Крупный по рогам самец.
Вот и встретились глазами,
Азарт, погоня со слезами.
Стоял зверь горд, в боках озноб,
Подставив пули, мокрый лоб.
/ Кому ж охота умирать,
Да, и за что их убивать.
Ведь в магазинах мяса много,
За что! Ответьте ради бога? /
Стволы поднялись там, где цель,
И совместились, мушка — шель.
В отчаяньи ЛОСЬ землю бил,

Рванулся из последних сил.
Но поздно обмануть судьбу,
На номере открыл стрельбу.
И вот заряд вступил в борьбу,
Помчался из ствола ко лбу.
И с храпом повалился зверь,
Красавцем был – никто теперь.
Стрелок напарника позвал,
Да – редкий выстрел – наповал.
А загон шел на «УРА»,
Зверя гнал на номера.
Кто бил в цель, а кто и мазал.
Вася Зяблов не промазал.

На подтаявшем снегу,
Сбил он хряка на бегу.
Ну а, волки, белки, лисы,
Те без боя все сдалися.
Чем зимой в лесу без пищи,
Без питья и без жилища.
Поживем мы у сельчан,
Там оправимся от ран.
Станет день опять большим,
Там и в лес, глядишь, сбежим.

Все Матвеево село,
Возвратилось засветло.
Что добыли, поделили,
И в спокойствии зажили.
За охоту на зверей,
Напоили егерей.
И себя не позабыли,
Тоже, по чуть-чуть налили.

Вот такой случился сказ,
Быль и небыль все зараз.

2006 г.

Тайны существования — Когда-нибудь, наверно скоро...

1 часть

Когда-нибудь, наверно скоро
Душа покинет моё тело
И быстро вселится в другое,
Войдя в доверие умело.

Но прежде память будет стёрта,
Сознание чистое, с нуля.
Небытие — момент короткий,
И снова жизнь, и снова Я.

Посмотрим, друг, на всё иначе,
Ну, вроде бы со стороны.
Зачем дитя, рождаясь плачет,
Вернувшись к нам из тишины.

Быть может там, в безмолвье лучше,
Душе без тела покойней.
Не потому ль в толпе живущей
Есть люди, рвущиеся к ней.

Мир тайн, скрываемый от нас.
Его постигнуть, не дано...
Что прячет ОН от наших глаз?
И что уже предreshено?

2 часть

И я не верю в БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ,
Что всё возникло из НИЧТО.
Такие площади покрыв,
Всем управляют... Вопрос – КТО?

Кто нам рисует миражи
И криптограммы на полях.
Зачем мы НЕКОМУ нужны,
В каких представлены ролях?

Земля и море тайн полны,
И в небесах чудес хватает,
И нам являются ОНИ,
Зачем? Никто пока не знает.

Корабль беззвучен и в огне
Вокруг него бушует плазма.
Опять же в полной тишине
Он полон чуда и сарказма.

Кто ВЫ и МЫ, и что меж нами:
Границы множества миров,
Где разделяющие грани?
И где таинственный Ваш кров?

2008 г.

И всё же — на земле, на небесах

* * *

На земле, на небесах,
Шатко всё, как на весах.
Мир вокруг не постоянен,
Человек в нём — не хозяин!
Да, мы лидеры бесспорно,
Остальное, всё условно.
Что мозги? Они у всех,
И у этих и у тех.
И язык есть, и дар речи,
Всё кричит, рычит, щебечет.
У китов, дельфинов свист,
Каждый мудр, и всяк речист.
Не дано нам всё понять,
Жаль! — прожить и не узнать.
Кто же тот, кто создал это,
Солнце, звёзды и планеты.
Кто привёл весь мир в движенье,
Что тут взлёт, а что паденье.
И с чего пошёл отсчёт,
Где начало, где перёд.
Кто придумал дни, часы,
Сбалансировал весы.
На вопрос сей, нет ответа,
Что за сила держит это?
Где опора, есть ли край?

И что дальше — ад иль рай!
Как узнать всё, наконец?
Был ли Он, всему Творец!
Что главное в мирозданье?
Пламя солнц или сознание.
Кто задумал жизнь создать,
Для чего и что с нас брать?
Суть всему с трудом найти,
И на смерть всех обрести.
Ну, какой же здесь резон?
Вся затея сплошь урон.
Может в море и на суше,
В этом поле — наши души
Вырастают как цветы,
Чтоб нектар с них соскрести.
А затем, в других мирах,
В галактических краях,
Вновь дадут им возродиться.
Из семян душа родится.
Ещё чище и светлей,
И ночами может ей
Будет сниться Мать-Земля,
Тело бывшее и я.
Вот и весь круговорот,
Разберись тут, где перёд.

2009 г.

Я не умру от водки и от курева...

* * *

Я не умру от водки и от курева,
Да и с ума, наверно, не сойду.
Но всё равно, когда-то в Троекурово,
Я к вам, ребята, всё-таки приду.

Как и у вас, трава взойдёт с цветочками,
В стакане что-то, пара сигарет.
Вдова придёт, одна, а может с дочками,
Поплачут, ну, а может быть и нет.

Ну, и возможно, в праздничные дни,
Со штаба делегируют ребят.
И, если не забудут, то они,
И у меня немножко постоят.

2003 г.

Жизнь радовать Россию перестала

* * *

Жизнь радовать Россию перестала,
Кому — ничто, кому-то всё дано.
Нам говорят, врагов совсем не стало,
Ну как же так, смотри, кругом полно.

Реформам нет разумного предела,
Войска — и те разоружают до штыков.
Галерка с юга требует раздела,
А споры уж доходят до клыков.

Чечня уже не наша. Не со слухов.
И, между прочим, не одна она.
Ну где же он, герой Востока — Сухов,
А то ведь прям — гражданская война.

Не помню, Петр, а может Катерина,
Спасала иноверцев от резни.
Российской мощной грудью защитила,
А ныне мы слабее, чем они.

1996 г.

В Комсомольске-на-Амуре

* * *

В Комсомольске-на-Амуре
На заводе, всё в ажуре.
Там проблем сегодня нет,
Собран первый Супер-Джет.

Весь сияет и блестит,
И уж скоро полетит.
Да,сработали на славу,
Не обидно за Державу.

Вещь! Не стыдно показать,
И престижно заказать.
И у нас, и за границей
Очередь за чудо-птицей!

2008 г.

**Самолёт —
Я собран до последнего винта**

* * *

I часть

Я собран до последнего винта,
Цех до сих пор не покидал ни разу.
Ворота настез, это неспроста,
И суета, наверное к показу.

Меня сегодня выведут на свет,
Пыль с фюзеляжа, плоскостей всю смыли.
Вчера прошел конструкторов Совет,
Где сообща о выкатке решили.

Вот он кивнул, кому-то, мой творец,
Знак, для того, что начинайте, можно.
И всем отмашку дали наконец,
И покатили плавно, осторожно.

Я ослеплён от солнечного дня,
Меня смутили фотообъективы.
Корреспонденты щёлкали меня,
Расставив, в полукруг свои штативы.

II часть

Так вот оно, какое солнце!
Земля, бетон и небеса!
Что там, тот лучик из оконца,
В цеху скользил по полчаса.

И ветер, свежий и с напором,
Меня уже в полёт зовёт.
— Ты мой помощник будешь скоро,
Ведь я дружище-самолёт.

Вот видишь два крыла, кабина,
Стабилизатор и кили.
Шасси, компрессор и турбина,
И баки с топливом внутри.

Мне ветру видно всё приятель,
Я помогу тебе взлететь.
Умён, талантлив твой создатель,
Красив ты, есть на что смотреть.

Будь аккуратнее в полёте,
Мой мир воздушный строг и крут.
Вы в нём минутами живёте,
А я веками дую тут.

Учить устал, а вы — всё знаем,
Потом срываетесь в пике.
Летает тот, кто обтекаем,
И силу держит на крыле.

2008 г.

Спасибо вам за доброту и ласку...

* * *

Спасибо Вам за доброту и ласку,
За принтер,монитор и за уют.
Спасибо за учёбу и подсказку,
И за щадящий пенсионный труд.

А опытом мозги набью я тоже
И залечу больные позвонки.
И с вами отработаю, быть может,
Я до конца, до гробовой доски.

2008 г.

Зачем убили царскую семью...

* * *

Зачем убили царскую семью?
За что детей?
В чём дети виноваты?
Штыком доби́ли бедную княжну,
Не ведая, что делают солдаты.

Зачем в нас столько тяги, до крови?
А доброты!
Ни капли не осталось.
Сочувствия в нас нет и нет любви,
В душе одна, беспочвенная ярость.

2008 г.

Молитва

* * *

Упаси нас, Господи,
В будущем от гнили.
От проклятий прошлому,
Где мы дружно жили.
От людей, что Родину,
Продали, пропили.
От вождей бездарных,
Что уже в могиле.
От идей безумных
Партий и генсека.
Упаси нас, Господи,
До скончанья века!

Упаси нас, Господи,
От огня и стужи.
От ножа бандита
И зарядов ружей.
От угрозы с неба,
Жизни, что не в радость.
От нехватки хлеба,
Как наступит старость.
От дорог, где встретишь,
Злого человека.
Упаси нас, Господи,
До скончанья века!

2009 г.

С.В. Капаниной

* * *

Я постараюсь вас не огорчить,
Включите ж музыку для моего фристайла.
Она поможет в небе начертить
Каскад фигур для будущего файла.

Я в трёх осях зажата в небесах,
По тыще метров сторона квадрата.
То вверх, то вниз, как на плохих весах,
И влево – вправо тоже узковато.

Сегодня без судейства пилотаж,
Оценка мне – овация народа.
Я буду мягче в петлях, выражах
В зените голубого небосвода.

Мы слиты вместе, я и самолет,
Что дом мой – небо, я с рожденья знала.
Уж четверть века длится мой полет,
С началом от священного Урала.

Внизу, среди смотрящих вверх людей,
Стоит, быть может, в скором моя смена.
И я запасть стараюсь в душу к ней,
Работой Настоящего Спортсмена!

20.10.2016 г.

**В.Г. Дейнеке –
Где ты, молодость моя?!...**

* * *

Где ты, молодость моя?!
Удаль, сила чрез края,
Голубое небо, высь,
В нём когда-то мы неслись
На воздушных кораблях
В океанах и морях.

Где ты, молодость моя?!
Птички, китель, якоря,
Всё сбылось, о чём мечтали,
Мои руки на штурвале,
И уже идёт на взлёт
Мой стотонный самолёт.

Где ты, молодость моя?!
Вся в квадратах мать-Земля,
Реки-ленты, берега,
Льды, торосы и снега
Как красиво всё кругом
Небо – как родимый дом!

Где ты, молодость моя?!
Мои первые друзья?
С кем дружил я и летал,
Спорил с кем и с кем мечтал,

И за праздничным столом
Вёл беседы обо всём.

Где ты, молодость моя?!
Пронеслась вся жизнь, горя,
Скачут, будто от погони,
Годы резвые, как кони,
В пене удила, бока,
Не жалеют седока.

Где ты, молодость моя?!
В сердце, память ту храня,
Не забыто всё от срока,
Вроде близко и далеко.....,
Семь десятков за спиной,
Что прожил, они со мной.

Где ты, молодость моя?!
Помню всё, тебя любя,
На денёк возьми, вернись!
Дай подняться снова в высь!
В южных, северных морях
На могучих кораблях.

2010 г.

Погибший лётчик

1-я часть

Небесная реанимация

1-й Ангел

Давай скорее душу в тело,
Чтоб изнутри его согрело.
Так, хорошо, гляди — очнулся,
Немного даже шевельнулся.

2-й Ангел

Собрали славно мы его,
Весь в шрамах. Это ничего.
Пусть суток двое полежит,
Окрепнет малость, будет жить.

Куда его Господь-то прочит?

1-й Ангел

Он без грехов. Куда захочет,
Наверно вновь возьмут летать,
И нас безгрешных прославлять.

Погибший летчик (*говорит еле слышно*)

Кто причитает здесь? Где я?

2-й Ангел

Вам говорить пока нельзя,
Вчера упали вы на взлёте,
На свете том, на самолёте.

1-й Ангел

А мы Вас сшили и собрали,
Чтоб Вы у нас потом летали.

Погибший летчик

Так, значит, умер и воскрес,
Свалился прямо к Вам с небес,
Чего ж они не оживили?

1-й Ангел

Где? На Земле? Там схоронили.
...В тот мир ты сможешь приходить,
Кого захочешь навестить.
Но только вот невидим будешь,
Не защитишь и не полюбишь.
На то, на всё Господня воля!
Так Он решил: — смотреть, не боле...
Такие почести не всем,
Нельзя вернуться насовсем,
А наш мир вечен и без смерти,
Здесь ангелы живут, не черти,
У нас такие корабли,
Что в миг доставят до Земли.

И Он тебя призвал летать,
Сюда безгрешных доставлять.

Погибший летчик

Ну что, летать, уже отрада,
Возить безгрешных тоже надо.
Они проверенный народ,
Живой и мёртвый – не соврёт.
Когда допустят до матчасти?

2-й Ангел

Когда срастутся твои части.
Нельзя пока тебе вставать,
Два дня хотя бы полежать.
Потом подучишься немного,
Контроль получишь и в дорогу...

Погибший летчик

А, как родных мне навестить
Кого об этом мне просить?

1-й Ангел

Когда начнешь в свой мир летать,
Тогда и будешь навещать...

В палату входит Бог

Бог

Ну что, вчерашний оклемался?
Прилично, батенька, сломался.
Уж, думали, не соберут,
Спасибо ангелам за труд.
На всё, про всё — даю два дня,
Потом придете до меня.
В свои пилоты зачисляю,
О Ваших подвигах я знаю,
Наслышан о делах благих,
Весь полк мой из людей таких,
Удачи, с Богом, поправляйся,
И в коллектив быстрее вливайся.

Погибший летчик

Спасибо Господи, готов
Усилить мощь твоих орлов!

2-я часть

Командир (Ангельского полка):

Ну, здравствуй, заходи ко мне,
Служить ты будешь на Луне.
Сейчас с тобой туда слетаем,
Представлю, новости узнаем.

Зашли в округлый аппарат,
Не новый правда, староват.
Но как сказал мне командир,

В нём мысль, она ориентир.
Куда захочешь унесет,
И от случайностей спасет.

Командир:

Давай, садись сюда, левее
Ладонки в ямочки правее,
Нагрев пошел в руках твоих,
Я буду думать за двоих.
Мои все мысли ты читай,
Порядок весь запоминай.
Смотри, подумал, запустил,
Опять, подумал, запросил,
Вот мысли плавненько пошли,
И от платформы отошли.
Теперь, подумал, нам куда,
И мы летим уже туда,
Всё просто, будто бы во сне,
Подумал, раз и на Луне.

Погибший летчик:

Машину быстро я познал,
И тонкости её узнал.
Она всосалась в мозг ко мне,
Каким то импульсом извне.

Командир:

Я ж говорил тебе, всё просто....
Вот видишь, там внизу, у моста,

В скале чернеет круглый вход,
Там ждет тебя твой звездолет.
На нём ещё и не летали,
Неделя, как сюда пригнали,
Он также мыслью управляем,
Здесь на Луне их заправляем.

Пошли. Там лифты вглубь ведут,
Внизу ребята уже ждут.
Сейчас зайдем, поговорим,
И вновь с тобою полетим.
Сам поведешь свой звездолет,
На галактический облёт.
И коль осилишь всю дорогу,
Сегодня доложу всё Богу.
Что можешь сам уже летать,
И безгреховных доставлять.

Все испытанья я прошел,
Дороги нужные нашел.
Господь меня перекрестил,
На ратный труд благословил.

Ну, вот и первый мой полет,
Веду к Земле свой звездолет.
Работа, в общем, по душе,
Обвыкся малость здесь уже.
Ребята — бывшие пилоты,
Как я, водили самолеты.

До разных сроков и поры,
Пока не грянул рок судьбы.
Тут на Земле заход не сложный,
От полюсов снижаться можно,
И чтоб корабль не видим был,
Его я плазмой прикрыл.
Завис, опоры вышли три,
Обзор прекрасный изнутри,
Включил под днищем жесткий свет,
Ну вот, Земля и я – привет!!!

У входа ангелы уже,
В плащах, как будто при дожде,
Зашли, приветливо кивнув,
И за собою люк замкнув.

Старший ангел:

Свободен будешь на два дня,
Пройдет загрузка без тебя.
Ваш взлет в 14.00,
Куда пойдете?

Погибший летчик:

Я – домой.

Старший ангел:

Надеюсь, Вас предупредили?
Теперь не так, как раньше жили.
Что Вы невидимы для них,
Для всех и даже для своих.

Погибший летчик:

Да, знаю, говорили мне,
Куда ж идти, коль не к жене.
Ещё узнаю, как упал,
И почему вращаться стал.

Всё непривычно, нет преграды,
Иду сквозь дом, через ограды,
Хочу наткнуться на людей,
Кричу: «я жив», жене своей,
Мне отвечают лишь молчаньем,
Как страшно жить с одним сознанием.
Чужой мне мир, чужой в нем я,
Беда — невидимость моя.
Здесь больше нечего мне делать,
Терзать себя, за тенью бегать.

Причину в Акте прочитал
Закрылок выпал и упал,
Но вывел кто-то, лист кропая
— *Натренированность плохая.*

На кладбище к себе зашёл,
Что написали, там прочел.
Всего-то 28 лет,
Досталось видеть Белый Свет.

Я ровно в срок поднялся ввысь,
Навстречу звезды мне неслись,
И думал я, ловя дорогу
Вперед, вперед поближе к Богу!!!

Жизнь

* * *

Мне подарили жизнь однажды,
А с ней всю прелесть бытия.
Жаль, что одну. Хотел бы дважды
Прожить с тобой, моя Земля.

Вновь пролететь в безмолвье этом,
Где нет начала и конца.
Вновь восхищаться этим Светом
И Гениальностью Творца.

Всё тут закручено и тайно,
Но оказалась суть проста.
Я разгадал её случайно,
Вглядевшись в светлый лик Христа.

Что прожил — с грустью вспоминаю,
И тяжело мне от перемен.
Что ждет меня — пока не знаю,
И чем утешусь я взамен.

2011 г.

А может так?

* * *

/Снизу сверху посмотри,
Мы планета номер три.
Очень близко от светила,
Чтоб тепла на всех хватило.
Важно! Ось наклонена,
Значит, есть и Времена.
Света много — завались,
В норме всё — Живи, Родись!/

От прилета к нам Богов,
Много кануло веков.
Как? На чём? И где садились,
Может в море приводнились.
Кто увидел первым их?
Тех гостей с планет иных.
А быть может, в эту пору,
Не было ещё народу.
Как чужие корабли?
Во Вселенной нас нашли.
Аль, на русское авось,
Долететь им удалось.
Вряд ли, знали, что хотели,
Курс проложен был до цели.
Вот и вздумали слетать,
Посмотреть на Благодать!

Сел разведчик осторожно,
Всё замерили — жить можно.
Атмосфера поплотней,
Ничего — привыкнем к ней.
Остальные корабли,
По команде вниз пошли.
Без потерь все приземлились,
За успех перекрестились.
Хороша планета эта!
Вдоволь и тепла и света.
В сорок метров дерева,
Высоченная трава.
И в достатке кислород,
И воды круговорот.
Что ж, летели мы не зря,
Имя ей дадим — Земля!

Весть домой быстрее послать,
Будем Землю заселять.
Гены срочно подобрать,
Образцы сюда прислать.
И на суше, на воде,
По подобию себе.
Пробы нужные создать,
Биопервенца зачать.
Долго длилась та работа,
Все работали до пота.
Убавляли, прибавляли,

Всё что нужно в тело клали.
К клеткам нервы подвели,
Сердце с кровью завели.
Чтобы билось ровно век,
И назвали – ЧЕЛОВЕК!
Если находили брак,
Изменяли, что не так.
Пластику меняли в теле,
Вырезали, что хотели.
Загоняли в нос иглу,
Что-то делали в мозгу.
Пришло время. Наконец!
Создан первый Образец!
Пару первую собрали,
Имена им подобрали.
Прародители родам,
Она – Ева, он – Адам.
Благодатный нашли край,
И назвали место – РАЙ!
Жила пара без забот,
Всё что нужно клали в рот.
Поначалу их учили,
Что и как, что б дружно жили.
Что есть можно, что нельзя,
Как сберечься от огня.
Как дышать, как говорить,
Как на двух ногах ходить.
Были и свои секреты,

И наказания и запреты.
Но настал и день и час,
Главный поступил приказ.
Всё приделать и расшить,
Размножаться разрешить
А чтоб было облегченье,
Обоюдное влеченье.
Бог добавил что-то в кровь,
И создал в Душе – ЛЮБОВЬ!

Как итог и оправданье,
Появилось в срок – Созданье!
Копия по образцу,
И по маме и отцу.
Что ж, программа запустилась,
С Раем вся семья простилась.
И сказал тогда Творец,
Делу трудному конец.
Гены, созданные эти,
Разнести по всей планете
По всем весям, уголкам,
Островам, материкам.
А различия народа,
Сотворит сама Природа.
Пусть рождаются, живут,
Всё что создал – Берегут!

2012 г.

До края...

Если хочешь жить — живи,
Полно и до края.
В уважении, любви,
Дождаясь Рая.

Если Рай не заслужил —
Ждёт тебя награда.
За всю глупость, что творил —
Все страданья Ада.

Там ничто не утаишь,
И не сунешь взятку.
Всё как жил и как грешил,
Вписано в тетрадку.

Всё напомним, вдруг забыл,
Без торгов, условий.
И не важно, кем ты был,
Из каких сословий.

Доживайте не ворча,
Без опаски, злости.
Не стремитесь сгоряча,
Раньше к Богу в гости.

Впереди ждёт Высший Суд,
К сроку все предстанем.
Там оценку нам дадут,
Как туда заглянем.

Если хочешь жить — живи,
С первых дней до смерти.
Чтобы встретили тебя,
Ангелы, не черти.

Прощайте милые друзья...

* * *

Прощайте, милые друзья!
Простите, вдруг кого обидел.
Прощай, чудесная Земля!
Спасибо, что тебя увидел.

Я не обижен был ничем,
Прожил, считаю, жизнь достойно.
Я говорю: прощайте – Всем,
Воспринимая всё спокойно.

Я благодарен и горжусь,
Уйдя обратно ходом узким,
Тебе, тобой родная Русь,
И тем, что был при жизни – РУССКИМ!

2008 г.

ГРАМОТА

Курсанту 4-го курса Воронежского областного ВВАФ
имени Пролетарата Донбасса АЛЕКСАНДРОВУ Г.В.,
мотору точности обработки, занявшему I-ое
место в соревновании при выполнении всех управ-
ленческих КЭМ профам М Р А.

НАЧАЛЬНИК ВОРОНЕЖСКОГО ОБЛАСТНОГО
ВВАФ ИМЕНИ ПРОЛЕТАРИАТА ДОНБАССА

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВАКСОВ

М. АВАКСОВ

НАЧАЛЬНИК КОЛЛЕКТИВА ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ВВАФ ИМЕНИ ПРОЛЕТАРИАТА ДОНБАССА

ПОДКОМАНДИР

Н. ЛЕВОНОВ

1971 года

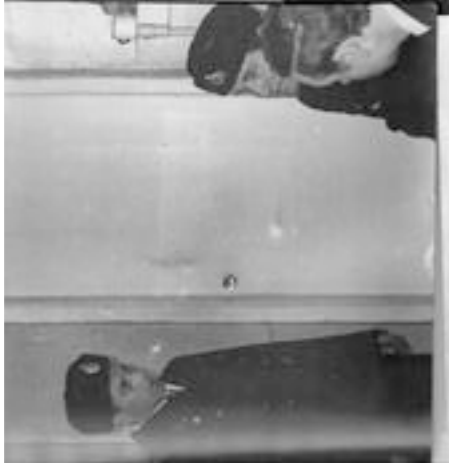

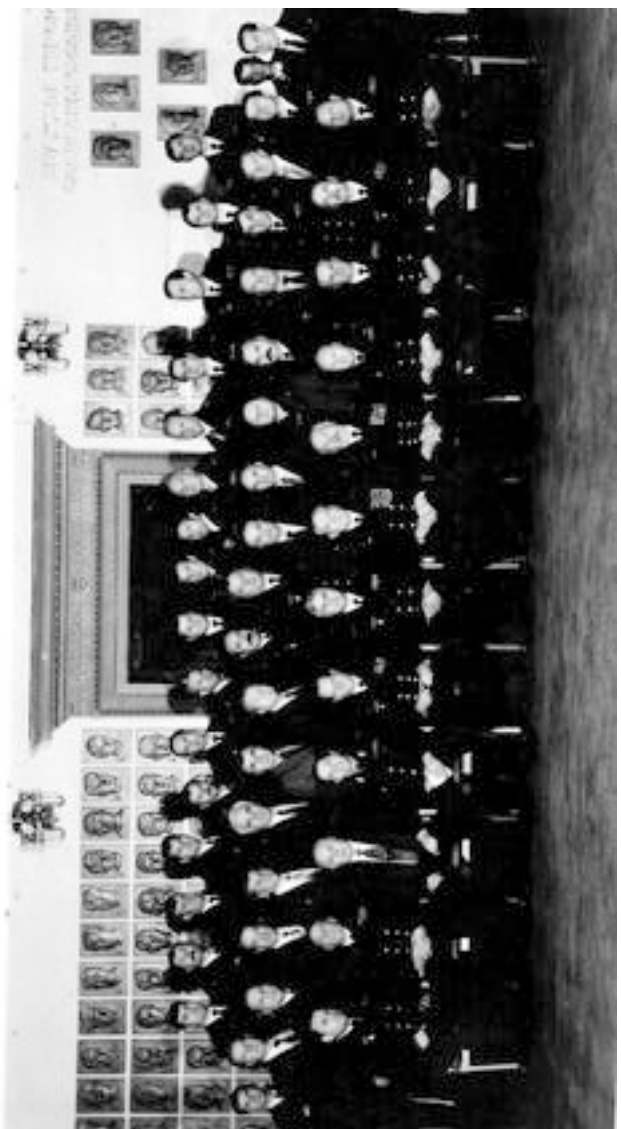

Литературно-художественное издание

Е.В. Александров

Исходный пункт маршрута

(записки штурмана морской авиации)

Текст публикуется в авторской редакции

Формат 70x100/32.

Гарнитура «Newton»

Бумага офсетная, печать офсетная.

Усл. печ. л. — 12. Уч. изд. л. — 5,5.

Тираж 200 экз.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.

Тел. 8 495 510-32-98

www.maska.su, info@maska.su